

А. КИРПИЧНИКОВЪ.

(57)

Ocherki po istorii novoi russkoi literatury
ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Московскія Вѣдомости 1789 г. Кургановъ и его «Письмовникъ». Антоній Погорѣльскій (Перовскій). Пушкинъ. Крыловъ. В. И. Григоровичъ. Гоголь. А. В. Дружининъ. Достоевскій и Писемскій. «Горе отъ ума» и «Война и Миръ». Умственная жизнь Одессы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

1896.

Kirpi

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ИЗОБРАЖЕНИИ ГРИБОѢДОВА И ГРАФА Л. ТОЛСТОГО ¹⁾.

Многіе, безъ сомнѣнія, помнятъ, какое странное впечатлѣніе произвелъ двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ романъ Достоевскаго «Подростокъ» одной изъ основныхъ идей своихъ: авторъ «Бѣдныхъ людей», защитникъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», русскій Гюго, какъ иные тогда называли его, горячо убѣжденный народникъ, въ этомъ романѣ неожиданно выступаетъ на защиту русскаго дворянства, какъ единственнаго носителя не только русскоі, но и европейской цивилизаціи. По мнѣнію Достоевскаго, у насъ «только одно дворянство выработало законченныя формы чести и долга». Созданный Достоевскимъ представитель этого дворянства, Версильовъ, оказывается носителемъ міровой идеи, высшимъ культурнымъ типомъ болѣнія за всѣхъ. Такихъ, какъ онъ, можетъ быть, всего тысяча во всей Россіи, которая только и существовала для того, чтобы произвести эту тысячу, и существовала не даромъ: благодаря Версильовымъ, она живетъ не для себя, а для общечеловѣческой идеи, а только это и есть настоящая жизнь.

Архиевропеецъ Версильовъ въ то же время и совѣтъ русскій челоуѣкъ: его благодущіе, его умъ, его впечатлительность и его способность совмѣщать высочайшій идеаль съ величайшею подлостью, по убѣжденію автора, чисто русскія черты.

Въ этомъ взглядѣ Достоевскаго на всемірно-историческую роль русскаго дворянства много парадоксальнаго, но нельзя не признать въ немъ зерна глубокой правды.

---

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ пользу Московскаго Комитета Грамотности 25 марта 1895 г. въ Историческомъ Музеѣ.

Во всѣхъ другихъ странахъ Европы съ самаго начала XIX вѣка, и даже раньше, дворянство есть только сословіе, сословіе немногочисленное, болѣе или менѣе замкнутое и вовсе не передовое, а часто, напротивъ, враждебное прогрессу; у насъ же до середины XIX столѣтія дворянство есть единственный культурный слой, есть вся интеллигенція.

Гордиться этимъ, какъ добровольной заслугой, русское дворянство не имѣетъ основанія: иначе это и не могло быть. У насъ не было средняго сословія, а дворянство, классъ многочисленный и разнообразный по составу, включавшій въ себѣ почти всѣхъ служилыхъ людей, одно только и давало образованіе своимъ дѣтямъ, сперва въ силу необходимости, а потомъ добровольно. Если членъ другого сословія получалъ образованіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ права и переходилъ въ дворянство. Умственная жизнь и ея наиболѣе яркое выраженіе—литература у насъ были возможны почти исключительно въ дворянствѣ.

Приближаясь къ концу столѣтія, мы можемъ, я полагаю, отнестись съ исторической объективностью къ первой его половинѣ и безъ горькаго чувства признаться, что художественная производительность той половины сильнѣе, оригинальнѣй и совершеннѣй нашей. Я думаю, мы можемъ согласиться, что между серединою 20-хъ годовъ и концомъ 50-хъ заключается классическій періодъ русской литературы, соотвѣтствующій эпохѣ Гёте и Шплера у нѣмцевъ. Это 35-лѣтіе начинается первыми главами «Евгенія Онѣгина» и трагедіею «Борисъ Годуновъ», а заканчивается романомъ Тургенева «Отцы и Дѣти» ¹⁾.

Этотъ классическій періодъ нашей литературы есть въ то же время періодъ по преимуществу дворянскій, не по тенденціи, конечно, — напротивъ: лучшіе люди изъ русскаго дворянства (а въ литературѣ выступали, безъ сомнѣнія, лучшіе люди), если проводили какую тенденцію, то именно архивсесловную или анти-сословную, но по происхожденію и образованію дѣятелей и отчасти по предметамъ изображенія.

Въ западной Европѣ какъ и въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи почти всѣ выдающіеся дѣятели литературы выходятъ

¹⁾ Въ исторіи нашей общественной жизни пачальный моментъ совпадаетъ съ дѣломъ декабристовъ, а появленіе «Отцовъ и Дѣтей»—съ освобожденіемъ крестьянъ.

изъ средняго класса: въ Германіи и Англіи это дѣти пасторовъ, педагоговъ, медиковъ, юристовъ, книгопродавцевъ и ремесленниковъ; во Франціи и другихъ романскихъ странахъ — адвокатовъ, купцовъ, подрядчиковъ, чиновниковъ; рѣдко-рѣдко мелькнетъ аристократическое имя въ родѣ графа Альфіери, лорда Байрона. А у насъ въ это классическое 35-лѣтіе дѣйствуютъ почти исключительно или члены старинныхъ родовъ дворянскихъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь-Яновскій, Тургеневъ, князь Вяземскій, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, графы Толстые, графиня Растопчина, графиня Сальясъ, Бестужевъ, Огаревъ, Щедринъ-Салтыковъ и мн., мн. др., или дѣти небогатыхъ помѣщиковъ или, наконецъ, дѣти такъ называемыхъ личныхъ дворянъ, но получившіе образованіе въ дворянскихъ пансіонахъ, институтахъ и гимназіяхъ, гдѣ въ то время дворянскій элементъ имѣлъ перевѣсъ. Купецъ Полевой и мѣщанинъ Кольцовъ были необыкновеннымъ явленіемъ; даже крупные литературные дѣятели изъ такой не з н а т и (хотя все же дворянской), какъ Бѣлинскій и Достоевскій, — рѣдкость. По рассказамъ современниковъ, въ тогдашнихъ журналахъ даже смѣсь, даже обзорѣе модъ составляли любители, то-есть люди, обезпеченные или службою, или независимымъ состояніемъ; настоящіе журнальные работники, живущіе литературнымъ трудомъ, у насъ появляются съ 50-хъ годовъ.

Лучшіе русскіе дворяне дѣйствительно отличаются замѣчательною «широкостію ума», по выраженію Достоевскаго, и они, несомнѣнно, вполне русскіе люди, несмотря на французское воспитаніе. Именно они начали изучать русскій народъ, собирать его пѣсни, сказки, преданія и воспроизводить его типы; лучшіе мужицкіе типы созданы Тургеневымъ, Григоровичемъ, Достоевскимъ и Писемскимъ. Но наиболѣе крупными и характерными произведеніями классическаго періода являются тѣ, въ которыхъ изображается дворянская жизнь и дворянскіе типы: онъ начинается Онѣгинимъ, Ленскимъ, Ларинными и оканчивается Рудинымъ, Лаврецкимъ, Еленою Ипсаровой, Кирсановыми.

По обѣ стороны классическаго 35-лѣтія русской литературы стоятъ два великія произведенія, опять-таки дворянскія — и по авторамъ и по предмету изображенія: комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» и романъ Толстого «Война и Миръ»; оба они представляютъ картину жизни русскаго общества въ царствованіе Александра I

и главнымъ образомъ общества московскаго ¹⁾; стало быть, предметъ изображенія въ нихъ одинъ и тотъ же ²⁾. Но различіе по способу и приемамъ изображенія огромно.

Авторъ «Горе отъ ума», человѣкъ съ необыкновенно сильнымъ умомъ и тонкой наблюдательностью, съ глубокимъ и благороднымъ чувствомъ, но съ посредственной творческой фантазіей, — я убѣжденъ, что не будь на свѣтѣ «Горя отъ ума», всѣ другія произведенія Грибоедова черезъ 20 лѣтъ послѣ его смерти были бы забыты безъ остатка, — человѣкъ, жестоко огорченный противорѣчіемъ между своими яркоопредѣленными идеалами и пошлой, бессмысленной дѣйствительностью, изображаетъ современное ему общество въ комедіи-сатирѣ, для которой онъ собиралъ краски въ продолженіе всей своей недолгой, но многдумной жизни, которую писалъ онъ, какъ говорится, лучшей кровью своего изстрадавшаго сердца.

Въ другомъ случаѣ — истинный художникъ образовъ, эпическій поэтъ изъ тѣхъ, какіе рождаются вѣками, уходитъ изъ шумной современности великой эпохи реформъ, зарывается въ записки, въ груды старыхъ писемъ, въ рассказы старожиловъ, въ историческія сочиненія всѣхъ родовъ и видовъ, и въ то время, какъ кругомъ его рушатся послѣдніе остатки крѣпостной старины, всѣми поносимой и прокливаемой, возсоздаетъ картину дворянскаго общества того времени, когда крѣпостной «порядокъ» казался волюнѣ нормальнымъ и неизмѣннымъ; онъ рисуетъ своихъ дѣлушекъ и ба-

¹⁾ Въ „Войнѣ и Мирѣ“ дѣйствіе переносится и въ Петербургъ, и въ провинцію, и даже за границу; по центральной въ романѣ семья Ростовыхъ по складу своему — совсѣмъ московскіе люди.

²⁾ Дѣйствіе романа Толстого начинается въ 1805 г. (въ первой ред., напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», романъ такъ и назывался: «1805-й годъ») и заканчивается въ 1813 г.; только эпилогъ перенесенъ въ 1820 г. Первая ред. комедіи была задумана и набросана въ 1816 г. (извѣстіе о наброскѣ 1812 года представляется мнѣ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ), а окончательная редакція относится въ 1823—1824 годамъ, и дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, уже совсѣмъ отстроенной послѣ пожара. Стало быть, въ комедіи передъ нами то же поколѣніе, нѣсколько постарѣвшее. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что Грибоедовъ съ 1812 г. не живетъ въ Москвѣ, а бываетъ наѣздомъ; присматривался же онъ къ московскому свѣту съ дѣтства до поступленія въ университетъ; это обстоятельство дѣлаетъ равницу по времени изображаемаго еще менѣе ощутительной.

бушекъ съ теплымъ чувствомъ любящаго внука, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ объективной справедливостью честнаго историка. Онъ также глубоко проникнуть изображаемымъ предметомъ, какъ его предшественникъ; но онъ не страдаетъ отъ темныхъ сторонъ давно сошедшаго въ могилу общества; онъ изъ далека-далека любитъ его свѣтлыми образами; онъ слабѣе чувствуетъ, но онъ лучше понимаетъ его и описываетъ полнѣй и разностороннѣй; къ тому же и форма романа, обнимающаго цѣлую 15-лѣтнюю эпоху, несравненно удобнѣе для этого, нежели форма старинной комедіи, въ которой все дѣйствіе втиснуто въ 24 часа.

Въ драматической литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ нѣтъ пьесы, судьба которой представляла бы столько неожиданностей и странностей, какъ судьба комедіи Грибоѣдова. 28-лѣтній молодой человѣкъ, воспитанникъ московскихъ салоновъ, хорошій знатокъ литературы и театра, но до тѣхъ поръ не выдвигавшійся среди другихъ драматурговъ-любителей, обдумываетъ на бивакахъ, на границахъ Азій, нелестную картину жизни того общества, къ которому принадлежалъ онъ. Вернувшись потомъ на родину, онъ сознаетъ, какой алмазъ лежитъ въ его портфель, спѣшитъ отшлифовать его и употребляетъ огромныя усилія, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ публикѣ. Но ни на сцену, ни въ печать ¹⁾ не можетъ онъ пристроить свое несчастное дѣтище; оно только навлекаетъ на него цѣлый рядъ непріятностей, чрезвычайно разнообразныхъ и иногда очень крупныхъ. Тогда махнулъ рукой молодой сатирикъ на литературу и театръ и отдался службѣ. Ему повезло, и въ тѣ годы, когда люди съ огромными связями только мечтаютъ о подобномъ постѣ, онъ былъ уже посланникомъ въ Персію. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и оттуда возвратился только обезображенный трупъ его. За то не погибла его за пре щ е н и я комедія: въ невѣроятномъ количествѣ списковъ разошлась она по всей Россіи; мало того, что разошлась: наизусть была выучена, и, какъ предсказалъ Пушкинъ, чуть не половина стиховъ ея перешла въ поговорки. Наконецъ, въ 30-хъ годахъ цензура сжалилась не столько надъ комедіей, сколько надъ своимъ недвусмысленнымъ положеніемъ, и великодушно разрѣшила всѣмъ извѣстную пьесу (хоть и съ огромными

¹⁾ Кромѣ небольшихъ отрывковъ, напечатанныхъ въ альманахѣ Булгарина «Русская Галія»,

урѣзками). Слѣдовало ожидать, что теперь-то критика непрерывъ примется расхваливать всеобщую любимицу. Не тутъ-то было: почти всякій, кто писалъ о ней, находилъ въ ней крупнѣйшіе промахи и вопіющіе недостатки. Въ 1840 г. нашъ великій критикъ Бѣлинскій жестоко отдѣлалъ тѣхъ, кто бранилъ «Горе отъ ума», а самъ, хотя и расхвалилъ частности: отдѣльныя сцены, чудный стихъ, живой языкъ и яркія картины нравовъ, но, какъ художественное произведеніе, разнесъ комедію, какъ говорится, въ пухъ и прахъ. Въ ней, по его убѣжденію, нѣтъ цѣлостности, потому что нѣтъ идеи. Герой ея Чацкій—полоумный чудакъ, до крайности безтактный, къ тому же человекъ неблагородный и съ холоднымъ, неспособнымъ къ истинному чувству сердцемъ; по его поступкамъ его всякій принялъ бы за помѣшаннаго, и 3-й актъ пьесы много выигралъ бы, если бы изъ него выкинуть его нелѣпыя монологи. Софья—не живой человекъ, а призракъ, такъ какъ авторъ не потрудился примирить энергію, силу ея характера съ ея любовью къ лакею Молчалину. Отецъ Софьи, Фамусовъ, былъ бы живымъ лицомъ, если бы онъ въ угоду автору не говорилъ обличительныхъ монологовъ на самого себя и т. д., и т. д. ¹⁾

Статья Бѣлинскаго написана живо, блестяще, убѣдительно; мудро ли, что сущность его оцѣнки комедіи Грибоедова вошла во все учебники и почторялась всеми учителями словесности?

Стало быть, второй разъ погибло «Горе отъ ума», и эта вторая гибель горше первой?

Ничуть не бывало; во-первыхъ, тотъ же Бѣлинскій несчетное число разъ приводитъ чудные стихи изъ монологовъ Чацкаго, да, если не ошибаюсь, пользуется и призракомъ Софьей, какъ живымъ характеромъ, не говоря уже о фамусовскомъ міровоззрѣніи, фамусовскомъ пошломъ остроуміи и пр.; а, во-вторыхъ, учебники и учителя словесности не только не помѣшали безконечному ряду изданій, но, что еще удивительнѣй, эта антихудожественная комедія до сихъ поръ у насъ не сходитъ со сцены, и нѣтъ смѣлаго актера на первыя роли, который не испыталъ бы силъ своихъ въ Чацкомъ ²⁾.

¹⁾ Т. III, 419 и слѣд.

²⁾ Въ 1871 г. появилась горячая и талаптливая статья Гончарова „Миліонъ терваній“ (перепеч. въ VIII т. его сочиненій), реабилитирующая не только Чацкаго, но и Софью. Такъ какъ она непосредственно слѣдовала за

Не могу не остановиться на минуту на этомъ противорѣчїи между мнѣніемъ великаго критика и живой правдой. Мнѣ представляется очевиднымъ, что Бѣлинскій ¹⁾, увлеченный глубиною и блескомъ монологовъ героя, пришелъ къ ошибочному заключенію, будто Грибоѣдовъ желалъ изобразить въ Чацкомъ идеаль, передъ которымъ должно преклониться недостойное такихъ представителей общество. На самомъ же дѣлѣ Чыпкій въ глазахъ поэта — честный и умный человекъ, но далеко не идеаль характера, и если поэтъ представляетъ въ немъ себя, то не для того, чтобъ везвелчичить, а чтобъ казвить себя. Приведу хотя одно доказательство, по возможности наглядное. Чацкій самолюбивъ болѣзненно, до смѣшного и, какъ большинство черезчуръ самолюбивыхъ людей, не находчивъ, вслѣдствіе чего онъ при всемъ своемъ умѣ часто оказывается въ глупомъ положеніи. Припомнимъ его разговоръ съ Фамусовымъ о Софьѣ:

«Скажи, тебѣ понравилась она?»

беззаастѣнчиво спрашиваетъ его Фамусовъ.

«Обрыскалъ свѣтъ — не хочешь ли жениться?»

Какой глупостью отвѣчаетъ ему на это умный Чацкій?

«А вамъ на что?»

Развѣ не въ правѣ былъ Фамусовъ выпутить его за это и замѣтить, что онъ «нѣсколько сродни» своей дочери?

Чацкому ужасно хочется узнать, какъ отнесется Фамусовъ къ его намѣренію жениться на Софьѣ, и ужасно не хочется получить отказа, и онъ изобрѣтаетъ робкую форму вопроса:

«Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?»

Свойственно ли серьезному, уважающему себя человеку прибѣгать къ подобнымъ пзворотамъ въ такомъ дѣлѣ?

Грибоѣдова обвиняютъ въ томъ, что онъ заставляетъ Чацкаго

„Обрывомъ“, то не имѣла такого сильнаго вліянія, какое должна была бы имѣть; только въ послѣднее время ея положенія начинаютъ проникать и въ учебники. Но и Гончаровъ обвиняетъ Чацкаго въ нецѣльномъ патріотическомъ пафосѣ и „нетрезвости рѣчи“ (стр. 157).

¹⁾ Какъ и раньше его Пушкинъ (изд. Фонда, VII, 107 — 108), восхващавшійся комедіей, но не признававшій Чацкаго умнымъ человекомъ.

разсыпать бисеръ своихъ обличеній передъ Фамусовыми, Скалозубами и пр. Да развѣ самъ поэтъ не чувствуетъ, какъ это неумѣстно, и развѣ не онъ влагаетъ въ уста деревянному Скалозубу одобреніе обличителю¹⁾? Можно себѣ представить, какую жалкую физиономію долженъ былъ имѣть Чацкій, выслушивая похвалу дурака?

Бѣлинскій правъ, называя Чацкаго безтактнымъ; но безтактность безтактности розъ; безтактность Чацкаго происходитъ не отъ грубости природы, а отъ болѣзненной впечатлительности и полного неумѣнья приравниваться къ людямъ. Онъ мечтаетъ получить руку Софьи, знаетъ, что никогда не получитъ ея безъ согласія Фамусова, и дѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы раздражить, возстановить противъ себя этого Фамусова; счастье его, что тотъ человѣкъ неуязвимый: другой давно выгналъ бы его изъ дому. Но Бѣлинскій и другіе неправы въ томъ, что предполагаютъ, будто Грибоѣдовъ не замѣчалъ этого.

Я утверждаю, что Грибоѣдовъ хотѣлъ сдѣлать Чацкаго именно такимъ; потому онъ и далъ ему нервную мать, которая, по словамъ Фамусова, «съ ума сходила восемь разъ»; далъ ему нелѣпое полуобразование въ домѣ Фамусова, далъ рѣдкій умъ и неумѣнье примѣнять его къ дѣлу и вложилъ въ его сердце несчастную любовь къ Софьѣ.

Чацкій самъ опредѣляетъ себя, говоря, что у него «умъ съ сердцемъ не въ ладу»; онъ—раздвоенная, неумѣстно рефлектирующая натура, близкая родня Гамлету, съ одной стороны, Чулкатурину въ «Дневникѣ лишняго человѣка»—съ другой; такіе люди, дѣйствительно, не умѣютъ любить не потому, чтобы у нихъ чувства не было, а потому, что въ ихъ чувствѣ нѣтъ здоровой непосредственности. Если женщина любитъ такого человѣка, онъ мучитъ ее; если не любитъ, онъ не умѣетъ во-время уйти, мучитъ себя, мучитъ, по мѣрѣ возможности, и любимую женщину и теряетъ ея уваженіе.

Чацкій—совсѣмъ не идеаль, но живой человѣкъ, характеръ, глубоко задуманный и превосходно исполненный; вслѣдствіе глубины замысла и тонкости отдѣлки онъ и привлекаетъ къ себѣ всѣхъ выдающихся артистовъ; но по тѣмъ же причинамъ онъ удается столь немногимъ.

Софья тоже живой человѣкъ; по энергіи и смѣлости, по прене-

¹⁾ Мнѣ правится, при этой смѣтѣ и пр.

бреженію къ земнымъ благамъ, по уму, наконецъ, она выше большинства окружающаго ее общества; умъ ея, конечно, далеко не такой развитой и широкій, какъ умъ Чацкаго; но въ немъ та же слабая сторона, что и въ умѣ Чацкаго; это умъ безъ наблюдательности; какъ женщина, начитавшаяся сантиментальныхъ романовъ, она замѣняетъ эту наблюдательность воображеніемъ. Какъ и Чацкій, она болѣзненно самолюбива; изъ самолюбія она разлюбила Чацкаго, когда

«Онъ съѣхалъ: ужъ у насъ ему казалось скучно».

Она и до сихъ поръ безъ раздраженія не можетъ говорить о «друзьяхъ» Чацкаго, на которыхъ онъ промѣнялъ ее общество.

Чацкій уѣхалъ за границу; Софья осталась одна въ убѣжденіи, что она обижена имъ; а ея воображеніе, раздражаемое романами, требуетъ замѣны Чацкаго. Она оглядывается вокругъ себя и не находитъ никого лучше Молчалина.

Влюбиться въ лакея по натурѣ — вѣдь это невозможно для неглупой дѣвушки! Конечно, невозможно, еслибъ Софья видѣла Молчалина такимъ, какимъ мы его знаемъ.

Но Софья создала себѣ Молчалина, только отчасти воспользовавшись реальнымъ матеріаломъ, который она переработала по своему. Молчалинъ — низкопоклонникъ, изъ-за выгоды унижающійся передъ ея отцомъ; она объясняетъ это добротою души его, снисхожденіемъ къ чужимъ слабостямъ; Молчалинъ — трусъ; она объясняетъ его уклончивость природной скромностью; Молчалинъ — деревянный человѣкъ, лишенный чувства; она объясняетъ его безчувственность чистотою души его. Его робость передъ ней льститъ ея непомѣрному самолюбію, которое теперь, послѣ предполагаемой обиды со стороны Чацкаго, стало особенно чувствительно. Самая бѣдность Молчалина и скромное его происхожденіе — важное условіе въ его пользу: въ воображеніи ея носятъ поэтическія фигуры тѣхъ знатныхъ дамъ и дѣвицъ, которыя удостоивали своей любви скромныхъ оруженосцевъ, пѣвцовъ и даже пастуховъ; да и сдѣлавшись женщиной, она всегда захочетъ первенствовать въ любви, какъ ни жестокъ урокъ, полученный ею въ концѣ комедіи.

Фамусовъ говоритъ обличительные монологи на самого себя. Да, это вѣрно; но въ этомъ нѣтъ ничего противнаго художественной правдѣ. Фамусовъ вовсе не глупый человѣкъ; но это типъ безсовѣстнаго, самодовольнаго эгоиста и циника подъ приличными

формами; только бы ему было хорошо и покойно, а тамъ хоть провались все остальное. Съ отвратительнымъ цинизмомъ говоритъ онъ о своей покойной женѣ; онъ циниченъ по отношенію къ Софьѣ, къ Молчалину, къ Скалозубу, къ своимъ служебнымъ дѣламъ, ко всему обществу. Онъ ясно видитъ многія отрицательныя стороны этого общества и не прочь посмѣяться надъ нимъ, но ему удобно живется въ грязненькомъ міркѣ своемъ, и онъ не желаетъ никакихъ переменъ въ немъ. Если эти перемены произойдутъ помимо него, онъ, конечно, сумѣетъ приспособиться къ нимъ и остаться на своемъ тепленькомъ мѣстечкѣ. Онъ вовсе не потому возмущается идеями Чацкаго, что онѣ противны его убѣжденіямъ — у него нѣтъ и тѣни убѣжденій,—но потому, что теперь эти идеи не въ авантажѣ обрѣтаются; а на всякій случай онъ и съ Чацкимъ и съ кружкомъ Ренетилова сношеній не прерываетъ: мало ли что можетъ случиться!? Въ обществѣ Фамусовъ весельчакъ и болтунъ и часто добровольный шутъ; онъ и самъ не былъ бы въ состояніи различить, когда онъ остритъ и балагуритъ, когда говоритъ правду; да и на что входить въ такія тонкости? У него весело, къ нему охотно ѣздятъ, княгиня Марья Алексѣевна одобряетъ его, и общество даетъ ему возможность удобно устраивать свои дѣлишки.

Фамусовъ вполне живое лицо; Фамусовы существуютъ и теперь (какъ существовали всегда, отъ начала человѣческаго общества), только теперь у нихъ краски и костюмъ иные; краски и костюмъ Грибоедовскаго Фамусова принадлежатъ исторіи.

Въ композиціи «Горе отъ ума» есть крупныя недостатки; но всѣ дѣйствующія лица великой комедіи-сатиры глубокозадуманные и прекрасно исполненные типы, одинаково реальные и въ художественномъ и въ историческомъ отношеніи; а вмѣстѣ взятыя всѣ эти типы для насъ представляютъ живую картину общества того времени. Въ своемъ очеркѣ я буду говорить только объ историческомъ значеніи главныхъ лицъ, которыя являются выразителями идеи знаменитой комедіи.

«Война и Миръ», какъ и всякій историческій романъ, имѣетъ тѣ же двѣ стороны: историческую и художественную, только съ тою разницею, что здѣсь прошлое для насъ было прошлымъ и для самого поэта.

Но мнѣ какъ-то неловко называть «Войну и Миръ» романомъ,

хотя по учебникамъ теоріи словесности ее нельзя назвать иначе; «Айвенго» историческій романъ; «Князь Серебряный» историческій романъ, а «Война и Миръ» вѣчто большее: это—эпопея, совмѣщающая и прошлое, и настоящее, и временное, и вѣковѣчное; это, какъ говоритъ Гете, «частное, возведенное до общаго и облеченное дивной красотой»; это—духъ народа, воплощенный въ поэтѣ.

Во всей литературѣ XIX вѣкѣ я знаю только одно произведеніе, которое въ этомъ отношеніи можно поставить рядомъ съ «Войною и Миромъ»; его еще труднѣе назвать романомъ, хотя по формѣ это тоже романъ и, пожалуй, тоже историческій; я говорю о *Misérables* Виктора Гюго. Нѣтъ такихъ вѣсовъ на свѣтѣ, чтобы взвѣшивать достоинства этихъ произведеній, и я не буду и пытаться сравнивать ихъ; но не могу не сказать, что если *Misérables* сильнѣе по идеѣ и представляютъ болѣе крупный и вліятельный фактъ въ исторіи міровой культуры, то для насъ по крайней мѣрѣ въ «Войнѣ и Мирѣ» болѣе историческаго интереса и художественной правды; да, смѣю думать, что и въ міровой литературѣ Наташа Ростова, Пьеръ Безухій, Бергъ, Анатолий Курагинъ и пр., вмѣстѣ съ мистеромъ Пиквикомъ, Эдифью Домби, Юраемъ Гипомъ, Лео Гутманомъ, Эсмеральдой, Квазимодо и многими другими останутся вѣчно живыми людьми.

Л. Толстой писалъ «Войну и Миръ» пять лѣтъ¹⁾, а сколько лѣтъ онъ готовился и собиралъ матеріалъ, я не знаю; но могу удостовѣрить, что всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ литературой мемуаровъ того времени и хоть поверхностно слѣдитъ за русскими историческими журналами, постоянно наталкивается на факты, подтверждающіе вѣрность изображенія эпохи въ «Войнѣ и Мирѣ» и очень часто на факты, то крупныя, то мелкія, утилизированныя Л. Толстымъ или по преданію, или по документамъ²⁾.

¹⁾ Отъ 1864 до 1869 г.; въ концѣ 1864 г. въ редакціи «Русскаго Вѣстника» уже находились первыя главы «Тысяча восемьсотъ пятаго года»; онѣ появились въ январѣ 1865 г.

²⁾ Приведу три-четыре разнообразныхъ примѣра: триумфальный обѣдъ Багратиону въ англійскомъ клубѣ описанъ въ «Дневникѣ Студента», стр. 328 и слѣд.; характеристика Офросимовой встрѣчается тамъ же *passim*; тамъ же находимъ и остроу г-на Ростова относительно Оберъ-Шальме (стр. 6). Какъ ни кажется страннымъ присутствіе штатскаго Пьера въ Бородинскомъ сра-

Огромный талант Толстого сказался къ томъ, что эта предварительная, такъ сказать, архивная работа также мало чувствуется въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ и въ Капитанской дочкѣ Пушкина, и московское общество во время «мира» изображено съ такою живостью, какъ будто авторъ снимаетъ портреты съ современниковъ, обстановка и внутренній міръ которыхъ ему знакомъ, какъ собственный. Также живо и, я полагаю, также вѣрно изображена и «война», обыденную и закулисную сторону которой бывшій севастопольскій офицеръ знаетъ не по разсказамъ «героевъ».

Но въ изображеніи войны Л. Толстой задался цѣлю доказать, что въ такихъ крупныхъ массовыхъ движеніяхъ личности такъ называемыхъ геніевъ, великихъ людей, не играютъ рѣшительно никакой роли, что все дѣлается помимо ихъ; они только воображаютъ, что ведутъ толпу за собою, а на самомъ дѣлѣ толпа ихъ толкаетъ; направленіе же толчка зависить отъ нихъ столько же, сколько отъ любой единицы этой толпы. Не только походъ Наполеона на Россію не зависѣлъ отъ его воли, но и весь военный геній его есть чистый мифъ. Успѣхъ или неуспѣхъ отдѣльнаго сраженія обуславливался его дѣятельностью никакъ не больше, а скорѣй меньше, нежели дѣятельностью послѣдняго солдата. Наполеонъ, обманывая себя и другихъ, дѣлалъ видъ, что онъ командуетъ, распоряжается; но его распоряженія на ходъ дѣла не имѣли рѣшительно никакого вліянія: «они или были исполнены прежде, нежели онъ дѣлалъ ихъ, или не могли быть и не были исполнены»¹⁾.

Вопросъ о значеніи геніальныхъ людей въ исторіи, какъ всѣмъ извѣстно, вопросъ старый, порядкомъ наскучившій, и окончательное его рѣшеніе для всѣхъ случаевъ невозможно; такое рѣшеніе непременно выйдетъ такъ называемымъ общимъ мѣстомъ, прямымъ или противоположнымъ. Иное дѣло — случаи частные. Выяснить значеніе личности Наполеона въ событіяхъ 1805 или 1812 г. очень поучительно; но неудобно дѣлать это въ формѣ ху-

---

женія, это фактъ, упоминаемый въ письмѣ М. Волковой («Вѣстникъ Европы», 1874 г., № 8, стр. 606) относительно кн. Вяземскаго; даже ямщикъ Балага, любимецъ Долохова и Анатоля Курагина, не выдуманъ: въ «Русской Старинѣ» за 1894 г., № 3, современникъ разсказываетъ о Балагѣ, отчаянномъ ямщикѣ Анатоля Барятинскаго и т. д.

¹⁾ IV, 306. Я цитирую по изд. 1868—1869 г.

дожественнаго произведенія. Не имѣя возможности вдаваться въ подробности, въ разработку отдѣльных фактовъ, авторъ долженъ будетъ или насиловать событія и выдумывать, чего Толстой, какъ честный художникъ, разумѣется, не дѣлаетъ, или долженъ добиваться убѣдительности многократными повтореніями тезиса въ разныхъ формахъ. Какъ бы ни были эти формы оригинальны и красивы, все же повторенія не могутъ не замедлять хода дѣйствія, и, можетъ быть, отъ досады на этотъ перерывъ художественнаго наслажденія, читателю кажется, что тезисъ или такъ ясенъ, что не требуетъ доказательствъ и разъясненій, или слишкомъ притязателенъ и потому невѣренъ. Такъ и здѣсь; доказывать, что Наполеонъ не всецѣло управлялъ событіями, бесполезно, а говорить, что онъ не имѣлъ на нихъ ровно никакого вліянія, несправедливо.

На мой взглядъ, Толстой художникъ много разъ поправляетъ Толстого прагматиста. Такъ, на примѣръ, второй доказываетъ, что армія Наполеона перестала существовать, какъ регулярное войско, лишь только она вступила въ покинутую жителями Москву (IV, 117 и слѣд.), а Толстой художникъ правдиво рисуетъ ужасную сцену казни мнимыхъ поджигателей, которая съ поразительной ясностью свидѣтельствуетъ о существованіи желѣзной дисциплины въ великой арміи. Да и самый Наполеонъ въ художественномъ изображеніи Толстого вовсе не ничтожная кукла: уже одна его безпредѣльная самоувѣренность, соединенная съ презрѣніемъ къ людямъ, доказываетъ, что этотъ человекъ или сумасшедшій, или гений; а такъ какъ онъ не сидитъ на цѣпи, то, стало быть, онъ долженъ властвовать и дѣлать исторію, насколько послѣдняя зависитъ отъ отдѣльных лицъ.

Я, конечно, не имѣю притязанія разбирать художественную сторону «Войны и Мира»: самый поверхностный разборъ потребовалъ бы цѣлаго ряда статей. Я ограничусь только выраженіемъ своего убѣжденія, что Л. Толстой—величайшій изъ живыхъ художниковъ слова, а «Дѣтство и отрочество» и «Война и Миръ»—наиболѣе художественныя изъ его произведеній. Но я не могу не указать на основы его міросозерцанія, выраженныя въ «Войнѣ и Мирѣ».

Долгій споръ о томъ, существуетъ ли искусство само для себя, или оно должно проводить въ общество свѣтлыя идеи, по моему мнѣнію, давно уже законченъ такимъ компромиссомъ: если поэтъ

хочетъ внушить, доказать известную идею и для нея подбираетъ и изобрѣтаетъ образы, онъ не дастъ произведенія художественнаго, потому что образы его не будутъ живы. А съ другой стороны образы, хотя бы живые и яркіе, но возникшіе въ фантазіи человѣка, лишеннаго яснаго представленія о добрѣ и злѣ, равнодушно относящагося къ счастью и нравственному совершенству людей, не составляютъ художественнаго цѣлаго. Міръ, возсоздаваемый истиннымъ поэтомъ, долженъ быть и живой міръ, и нравственно прекрасный міръ.

Коренная основа міросозерцанія, раскрывающаяся въ «Войнѣ и Мирѣ», можетъ быть выражена немногими словами: это живая любовь къ человѣку въ противоположность отвлеченной любви къ человѣчеству. Толстой даже съ нѣкоторой запальчивостью относится къ такъ называемому «общему благу», которымъ люди, по его убѣжденію, такъ часто прикрываютъ свой эгоизмъ, злость и тупость. «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ онъ,—какъ существуетъ міръ и люди убиваютъ другъ друга, никогда ни одинъ человѣкъ не совершалъ преступленія надъ себѣ подобнымъ, не успокоивая себя мыслию о *bien public*, предполагаемомъ благѣ другихъ людей» ¹⁾.

Это говоритъ онъ, пересказавъ дѣйствительно ужасную сцену расправы съ Верещагинимъ. (что передъ нею риторически преувеличенные ужасы французскихъ романтиковъ!); на то же *bien public* опираются и чиновники Наполеона, разстрѣливая на Дѣвичьемъ Полѣ поджигателей. *Ça leur apprendra à incendier!* — говорятъ солдаты, несчастное орудіе этихъ чиновниковъ, и этими словами доводитъ предполагаемое *bien public* до невообразимо подлой нелѣпости.

Это «общее благо», перерождающееся въ слѣдную военную дисциплину, т. е. въ такой порядокъ вещей, при которомъ человѣкъ лишается и своей свободы и жалости къ другимъ людямъ, есть то страшное «оно», та таинственная сила, которая 7 октября 1812 г. мгновенно на глазахъ у Пьера превратила десятки тысячъ добродушныхъ людей въ безжалостныя машины для убійства. «Боятся, стараться избѣгать этой силы, обращаться съ просьбою или увѣ-

¹⁾ V, 110—111.

щаніемъ къ людямъ, которые служили орудіемъ ея, было бесполезно..
Надо было ждать и терпѣть» ¹⁾).

Оттого Пьеръ и былъ такимъ горькимъ неудачникомъ, что все мечталъ о службѣ этому отвлеченному общему благу, не могъ рѣшить, въ чемъ состоитъ оно, а пока служилъ только своимъ слабостямъ. Въ московскомъ баракѣ, въ обществѣ безграмотнаго Каратаева онъ разрѣшилъ загадку, отказался отъ общаго ради частнаго, «опростился», выучился любить всѣхъ людей и дурныхъ и хорошихъ и разучился ненавидѣть ²⁾).

Вопросъ объ отношеніи между предполагаемымъ общимъ благомъ и несомнѣннымъ благомъ отдѣльнаго лица часто бываетъ вопросомъ личнаго вкуса и темперамента. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что если святыми словами «общее благо» прикрывается сознательный или даже безсознательный эгоизмъ, самолюбіе, злоба, то происходитъ такая подлость, хуже которой трудно и придумать. Нельзя также не признать, что если человѣкъ въ напрасныхъ поискахъ за исполнскимъ дѣломъ не приноситъ окружающимъ той доли пользы, которую онъ можетъ и долженъ принести, онъ несчастное и жалкое существо; а что простой человѣкъ, мужикъ, все равно: русскій или нѣмецкій, можетъ научить этой простой истинѣ мечтателя барина, объ этомъ свидѣлствуютъ Сервантесъ, и Гёте, и Тургеневъ, и Достоевскій, не говоря уже о живомъ ежедневномъ опытѣ.

Возвращаясь къ исторической сторонѣ «Войны и Мира», я долженъ замѣтить, что если авторъ тенденціозно враждебенъ Наполеону, онъ вовсе не переноситъ этой антипатіи на его армию. Повидимому, что за заслуга со стороны художника 60-хъ годовъ, если онъ, изображая одну изъ бывшихъ войнъ нашихъ, не проникается узкимъ патріотизмомъ? Но война 1812 года для насъ со-всѣмъ особенная война; даже реляціи военныхъ историковъ ея не всякій можетъ читать безъ нѣкотораго волненія, и современный

¹⁾ V, 300—301.

²⁾ Эта же всепрощающая любовь къ врагамъ, „любовь божеская“, дала счастье и другому хорошему, но несчастному человѣку „Войны и Мира“, умирающему Андрею Болконскому (V, 157 и слѣд.). Во всей литературѣ нашего полустолѣтія я не знаю ничего, что можно было бы поставить рядомъ съ правдиво художественными страницами, описывающими его послѣдніе дни.

событіямъ русскій матеріалъ, которымъ пользовался Толстой, почти весь проникнутъ убѣжденіемъ, что «великая армія» состояла изъ злодѣевъ; а русскіе воины, ополченцы и партизаны, были героями. У Толстого французы очень милые и исполнительные люди, а русскіе герои подчасъ оказываются порядочными звѣрями. За то въ другомъ отношеніи Толстой раздѣляетъ чувства значительной части своихъ источниковъ: онъ симпатизируетъ Москвѣ и изображаетъ въ очень непривлекательныхъ краскахъ общественную жизнь Петербурга. Въ этой жизни, по его убѣжденію, надъ содержаніемъ преобладаетъ холодная, неизмѣнная форма ¹⁾. Москва то молится, то веселится, то буйствуетъ, то приноситъ себя въ жертву и всегда остается русскимъ городомъ; Петербургъ всегда сдержанъ и всегда международенъ, какъ Бергъ или Борисъ Друбецкій ²⁾; у Москвы есть свои любимцы и свои антипатіи; въ Петербургѣ любимецъ общества тотъ, кому повезло на службѣ. Типъ петербургскаго крупнаго дѣятеля — князь Василій Курагинъ, человѣкъ неглупый и чрезвычайно пріятный въ обществѣ; по существу же такой холодный эгоистъ безъ стыда и совѣсти, что московскій Фамусовъ кажется передъ нимъ образцомъ благодушія и сердечности.

Въ первой редакціи романа-эпопеи авторъ самымъ названіемъ главъ ³⁾ и языкомъ дѣйствующихъ лицъ показную и совсѣмъ не русскую жизнь петербургскихъ салоновъ противопоставлялъ болѣе задушевной, болѣе родной и симпатичной ему жизни московской.

Въ началѣ XIX вѣка Москва уже давно была отставной столицей, а по мнѣнію многихъ петербуржцевъ — просто большимъ провинціальнымъ городомъ, претензіи котораго давать тонъ всей Россіи были смѣшны и ни на чемъ не основаны. Въ отставной столицѣ жили отставные вельможи и множество богатыхъ дворянъ, по разнымъ соображеніямъ предпочитавшихъ городскую жизнь де-

¹⁾ IV, 161.

²⁾ „У насъ, — пишетъ москвичка Волкова своей петербургской пріятельницѣ („Грибоѣдовская Москва“, Вѣст. Евр., 1875 г., № 3, стр. 246), — судятъ болѣе здраво; пѣтъ той утонченности въ обычаяхъ, которая встрѣчается у васъ, но болѣе простоты въ мысляхъ; мы гораздо скромнѣе и легче подчиняемся правиламъ, которыхъ держались наши дѣды и отцы“.

³⁾ 1-я глава называется: „Въ Петербургѣ“, 2-я: „Въ Москвѣ“. По увѣренію Волковой („Грибоѣдовская Москва“, Вѣст. Евр., 1874 г., № 9, стр. 133), въ Москвѣ русскій языкъ болѣе распространенъ, нежели въ Петербургѣ.

ревенской. Эти вельможи и дворяне составляли зерно московскаго общества. Вокруг него группировались дворяне побѣднѣе, которые тоже имѣли въ Москвѣ, въ неторговой части города: на Поварской, Никитской, Арбатѣ, Пречистенкѣ, свои дома-особняки, гдѣ проживали мѣсяцевъ по шести и болѣе, отдыхая отъ деревенскихъ заботъ. Въ разгаръ зимняго сезона московское дворянское общество сильно увеличивалось прїѣздомъ огромнаго числа небогатыхъ помѣщиковъ, которые наѣзжали сюда въ возкахъ и кибиткахъ, на своихъ лошадяхъ, съ своей крѣпостной прислугой, съ обозами мороженой живности, съ запасомъ собственной муки, крупы и пр. и поселялись или въ наемныхъ квартирахъ или въ собственныхъ домикахъ за Москвой-рѣкой. Они группировались по губерніямъ и уѣздамъ и больше пребывали въ собственной компаніи; но черезъ предводителей и состоятельныхъ родныхъ имѣли доступъ и въ высшее общество, и «барышни» ихъ, если имѣли приличныя манеры и внѣшность, блистали и въ дворянскомъ собраніи, и на вечерахъ первыхъ московскихъ вельможъ, которые по богатству не уступали петербургскимъ, а по гостепрїимству далеко превосходили ихъ. Декабрь, январь и февраль, до 1-й недѣли великаго поста, когда значительная часть помѣщиковъ разъѣзжалась по деревнямъ, было самое веселое время въ Москвѣ; въ ней жилось такъ шумно, что иные гвардейскіе франты и петербургскіе камеръ-юнкеры пренебрегали неудобствомъ 3-хъ суточной скачки по ухабамъ и прїѣзжали сюда веселиться и искать невѣсть. На балахъ дворянскаго собранія, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть. Въ домахъ извѣстныхъ лицъ тоже бывали огромныя сѣзды; въ запискахъ современниковъ то и дѣло читаешь: былъ балъ у такихъ-то, вся Поварская или вся Басманная или даже вся Покровка съ Моросейкой были заставлены экипажами (при чемъ у добрыхъ господъ кучерамъ раздають калачи и по стакану пѣнника); за ужинъ сѣло человѣкъ 100; потомъ танцовали до 6 часовъ утра¹⁾. Или былъ обѣдъ у такихъ-то на 80—120 человѣкъ; на хорахъ играла музыка; послѣ обѣда молодежь начала танцовать. И часто это происходило безъ всякаго особаго повода, просто потому, что сезонъ такой.

¹⁾ „Записки Современника“ съ 1805—1819 г., ч. I., „Дневникъ Студента“ (П. С. Жихарова), Спб., 1895, стр. 6, 43 и *passim*.

Въ московскомъ обществѣ была та любопытная и симпатичная особенность, что въ немъ не только не наблюдалась табель о рангахъ, но оно даже не было обществомъ узкословнымъ. Въ Петербургѣ «высокія особы, ко двору пріѣздъ имѣющія», представляли кружокъ, строго замкнутый; изъ постороннихъ въ него допускались только иностранцы. Въ Москвѣ же настоящіе вельможи задавали пиры на весь дворянскій міръ; а простые дворяне, даже я изъ лучшихъ фамилій и съ большими средствами, помимо мелкопомѣстной, иногда совсѣмъ бѣдной родни своей, принимали и сына мѣстнаго почмейстера и «батюшкина» племянника, учившагося или служившаго въ Москвѣ, если онъ только имѣлъ приличный видъ. Мало того, степные помѣщики завозили въ Москву свои обычаи, въ силу которыхъ крѣпостные, стоявшіе за стуломъ во время обѣда, принимали участіе въ застольныхъ разговорахъ¹⁾. Такимъ образомъ въ Москвѣ чувствовалась живая связь между сословіями, хотя и здѣсь основу общества составляли родовые дворяне.

Московское дворянство въ вѣкъ Екатерины было въ лучшихъ условіяхъ, нежели петербургское или провинціальное: игривые нравы двора были отсюда не такъ замѣтны; Максимы Петровичи не здѣсь производили свои гимнастическія упражненія, и такъ называемые случайные люди попадали сюда только по минованіи случая. Съ другой стороны, азіатскія наклонности не могли здѣсь проявляться съ такою свободою, какъ въ глухой деревнѣ, а для воспитанія дѣтей здѣсь былъ и университетъ и среднія учебныя заведенія. Короче сказать, москвичи пользовались всѣми выгодами столицы, не страдая отъ неудобства ея. Вотъ почему и Новиковъ перебрался изъ Петербурга въ Москву; вотъ почему именно здѣсь образовалось Дружеское общество, и открылись въ такомъ количествѣ вольныя типографіи, и въ Москву, а не въ Петербургъ поѣхалъ дополнять свое образованіе Ник. Карамзинъ.

Съ ноября 1796 г. настали черные дни для русскаго дворянства; на него посыпался цѣлый рядъ и общихъ и частныхъ, и крупныхъ и мелкихъ невзгодъ: сократились его вольности и привилегіи; установленъ былъ строгій этикетъ, въ силу котораго всякій мужчина, встрѣчавшійся на улицѣ съ экипажемъ императора,

¹⁾ „Воспоминанія Вигеля“, М., 1866 г., IV, 112—113.

долженъ былъ выпрыгивать на землю въ грязь и снѣгъ; отъ молодежи потребовалась не номинальная, а дѣйствительная и страшно-тяжелая и опасная служба ¹⁾; надъ каждымъ ежеминутно висѣлъ дамокловъ мечъ царскаго гнѣва съ его роковыми послѣдствіями ²⁾. Въ Петербургѣ будто послѣ масляницы наступилъ великій постъ: однообразные форменные костюмы, какъ для служащихъ, такъ и для неслужащихъ, однообразная запряжка, установленный часъ для тушенія огней (8 часовъ), безпримѣрно строгая цензура для книгъ и журналовъ, почти прекратившая наше умственное общеніе съ Европой и донельзя ограничившая нашу печать и театр ³⁾, — все это радикально измѣнило направленіе общественной жизни, вѣрнѣе: почти остановило ее. Да и въ Москвѣ было немногимъ лучше: положимъ, государь проводилъ въ ней гораздо менѣе времени, но зато старая столица подчиняется «распоряженіямъ» далеко не съ такой легкостью, какъ казенный Петербургъ. Всѣ, кто могъ, спѣшили укрыться въ деревнѣ; но и тамъ иногда раздавался страшный колокольчикъ фельдъегеря...

11-го марта 1801 года вступилъ на престолъ Александръ I, любимый внукъ и воспитанникъ Екатерины, желанный наслѣдникъ дѣлъ и мыслей ея. Радость русскаго дворянства была неопишима.

¹⁾ До тѣхъ поръ, говорятъ, къ одному Преображенскому полку было причислено до 2000 дворянъ.

²⁾ Служить въ гвардіи было такъ тяжело, что дворяне лучшихъ фамилій готовы были идти въ службу гражданскую, которая при Екатеринѣ считалась подъяческою, почти неприличною. Скоро оказалось столько желающихъ поступить въ чиновники, что императоръ запретилъ принимать туда дворянъ, и единственное исключеніе было сдѣлано для вѣдомства иностранныхъ дѣлъ: въ Петербургѣ при коллегіи было дозволено имѣть 20 юнкеровъ 14 класса и въ Москвѣ при ея архивѣ 10; при Павлѣ эти мѣста брались, что павывается, съ бою, а такъ какъ служба была „чистенькая“ и видная, и для дальнѣйшаго движенія въ ней было необходимо знаніе французскаго языка, то „архивное юношество“ и при Александрѣ играло замѣтную роль въ московскомъ обществѣ. Отсюда и архивная служба Фамусова, его племянниковъ и Молчалина (см. Воспом. Вигеля, I, 1, 160, 167, 172—173).

³⁾ Очень характерны факты, сообщаемые извѣстнымъ Авг. Коцебу (Достопамятный годъ моей жизни. Русск. пер., какъ приложение къ Древн. и Нов. Россіи за 1879 г., ч. II, стр. 80 и слѣд.), который имѣлъ основанія считать имп. Павла своимъ благодѣтелемъ и неоднократно выражаетъ свою любовь къ нему.

Тогда, по словамъ осторожнаго Вигеля ¹⁾, «всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ; взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, поступки смѣлѣе, дыханіе свободнѣе». Тогда-то развернулась во всю ширь московская дворянская жизнь, развернулась еще при лучшихъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя господствовали въ послѣдніе годы Екатерины.

Просвѣтительныя идеи такъ называемыхъ предшественниковъ революціи у насъ въ XVIII вѣкѣ благотворное и сильное дѣйствіе произвели на немногихъ, а сама революція запугала всѣхъ, даже самыхъ передовыхъ людей: съ часу на часъ ждали гибели облитой кровью Франціи; ждали разрушенія всей цивилизаціи. Проходитъ 10 лѣтъ; Франція и не думаетъ погибать, а цивилизація идетъ впередъ гигантскими шагами. Тогда, по исконной способности человѣка ко всему привыкать и приспосабливаться, самые ужасы революціи перестаютъ казаться столь поразительными; къ тому же и нравственное чувство зрителей удовлетворяется гибелью «изъявшихъ мечъ» и возстановленіемъ нѣкотораго порядка. Тогда происходитъ любопытный процессъ дифференціаціи просвѣтительныхъ идей, въ силу котораго однѣ изъ нихъ отбрасываются, какъ не осуществимыя мечты «добраго сердца», другія оказываются спорными, а третьи, основныя, до того входятъ въ плоть и кровь общества, что кажутся почти прирожденными всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ.

Идеи послѣдней категоріи быстро распространяются и въ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что самъ государь глубоко проникнуть ими. Небольшой кружокъ его ближайшихъ сотрудниковъ по своимъ гуманнымъ и разумно-либеральнымъ стремленіямъ не уступаетъ лучшимъ людямъ Европы, а по свѣжести, горячности чувства и вѣрѣ въ добро даже превосходитъ ихъ. Тогда въ первый разъ русскій культурный дворянинъ становится болѣе европейцемъ, нежели французъ, англичанинъ или нѣмецъ. Такими идеалами культуры, хотя идеалами безъ опредѣленныхъ цѣлей и потому мало полезными, являются въ первыхъ главахъ «Войны и Мира» Андрей Болконскій и Пьеръ Безухой. Такими въ Москвѣ могли быть только немногія единицы, а масса московскаго общества жила больше инстинктами, нежели идеями, и если о чемъ думала, то только о томъ, какъ бы попріятнѣе и поразнообразнѣе провести время.

¹⁾ I, 1, 189.

Но и по инстинктамъ и развлеченіямъ можно судить о нравственной физиономіи общества, и я, на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, сопоставленныхъ съ «Войною и Миромъ» и комедіею Грибоѣдова, постараюсь набросать въ общихъ чертахъ физиономію московскаго дворянства отъ 1805 г., когда открывается дѣйствіе романа Л. Толстого, и до начала 20-хъ годовъ включительно.

Беззаботная жизнь, сотканная изъ однихъ наслажденій и развлеченій, гордость своимъ якобы прирожденными правами и строгое выдѣленіе себя и своихъ отъ массы народа, иногда уживающаяся рядомъ съ сантиментальнымъ и бесплоднымъ либерализмомъ, безумно-роскошная и при томъ изящная обстановка, масса ливрейной прислуги, гербовыя кареты цугомъ, даже самый классически-обточенный французскій языкъ русскихъ баръ александровскаго времени,—все это, повидимому, напоминало дореволюціонное французское дворянство. Дѣйствительно, было несомнѣнное сходство, и среди этой только что сформировавшейся аристократіи подъ русскими именами встрѣчались типичныя фигуры изящно-распутныхъ шевалье и остроумно-легкомысленныхъ маркизовъ ¹⁾. Но такъ какъ и среди высшаго русскаго дворянства было не мало екатерининскихъ баръ, только сверху лакированныхъ цивилизаціей, такъ какъ это высшее дворянство не было и не могло быть такимъ щепетильно гордымъ, замкнутымъ сословіемъ, какъ аристократія французская, то сходство ограничивалось вѣшностью и отдѣльными личностями; а въ сущности русское дворянское общество, пульсъ жизни котораго бился въ Москвѣ, представляло совершенно своеобразное социальное тѣло, не недостойное вниманія исторіи, въ особенности русской.

Я начинаю съ отношенія москвичей начала нынѣшняго столѣтія къ властямъ предержавшимъ.

Если кто и былъ недоволенъ порядками, господствовавшими въ послѣдніе годы Екатерины, его недовольство исчезло безслѣдно въ пятилѣтнее правленіе Павла, и Екатерину теперь иначе не называютъ, какъ: великая, матушка, сама государыня, «блаженныя памяти» ²⁾; иные старички, произнося ея имя, непременно встаютъ или снимаютъ шляпы; ихъ рассказы не только о ней самой, но и

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, въ запискахъ Жихарева (стр. 116) тотъ кн. Голицынъ, «любезный и веселый человекъ», вездѣ желанный гость, который, промотавъ 40.000 душъ, жилъ на пенсію, получаемую отъ иемянника.

²⁾ «Дневникъ Чиновника», Отечественныя Записки, 1885 г., № 4, стр. 371.

о ея «орлахъ» носятъ героическій, легендарный характеръ. Молодежь, правда, дерзаетъ подсмѣиваться надъ непопулярной спѣсью этихъ орловъ, которые только легкимъ кивкомъ отвѣчали на поклоны ¹⁾, и осуждаетъ распущенность тогдашнихъ нравовъ ²⁾, да и зрѣлые люди должны согласиться, что теперь легче живется, «вольнѣ всякій дышитъ», что теперь и у насъ появилось общественное мнѣніе, мѣсто котораго прежде занималъ произволь фаворитовъ; но эта легкая критика не мѣшаетъ почтенію къ создательницѣ благороднаго руссійскаго дворянства.

О временахъ императора Павла говорить не любятъ; за то о молодомъ государѣ, «ангелѣ во плоти», готовы говорить безъ конца и приписываютъ ему безконечный рядъ добродѣтелей. Война 1805 года очень популярна именно потому, что ее предпринялъ Александръ; имъ восторгаются, когда онъ самъ отправляется на войну; съ триумфомъ встрѣчаютъ его послѣ Аустерлица, и съ восхищеніемъ рассказываютъ о его скромности, когда онъ не захотѣлъ принять Георгія 1-ой степени ³⁾. Эта характерная черта всеобщей влюбленности въ молодого царя вѣрно и склыно схвачена Толстымъ въ отношеніяхъ Николая Ростова къ Александру. Съ такой же художественной конкретностью изображенъ и наивный патриотизмъ москвичей, которые ухитрились изъ Аустерлица сдѣлать чуть не побѣду и отпраздновали ее пиромъ въ честь Багратіона ⁴⁾.

Но вѣдь нельзя долго обманывать себя, и неудачи слѣдующей войны жестоко уязвили самолюбіе нашего общества, привыкшаго къ побѣдамъ и при Екатеринѣ и при Суворовѣ ⁵⁾, а тильзитскій миръ и дружба императора съ мошенникомъ Бонапартомъ даже уронили на время популярность Александра: только наивный Николай Ростовъ могъ утѣшать себя мыслью, что цѣли и поступки государя выше его солдатскаго пониманія (II, 190—191); другіе же хоть и любятъ царя попрежнему, но строго осуждаютъ его руко-

¹⁾ «Дневникъ Студента», стр. 147. Ср. фамусовское: «Расклапайся, тупеемъ не кивнуть».

²⁾ О распутствѣ въ московскомъ обществѣ при Екатеринѣ см. «Дневникъ Студента», стр. 388—389.

³⁾ Ibid., 152.

⁴⁾ Описаніе этого обѣда см. въ Дневникѣ Студента, 328 и слѣд.

⁵⁾ Ibid., 237.

водителей, и его самого какъ будто больше почтительно жалѣють, чѣмъ уважають.

Въ слѣдующее пятилѣтіе наше общественное мнѣніе въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ не всегда сходится съ видами правительства: въ войнѣ 1809 г. Россія считается союзницею Франціи противъ Австріи, а русское общество радуется побѣдами послѣдней и огорчается успѣхами Наполеона ¹⁾. Изъ очень разнообразныхъ элементовъ въ это время слагается у насъ національная партія, нашедшая себѣ, между прочимъ, выраженіе въ пресловутой Бесѣдѣ любителей россійской словесности ²⁾, на засѣданія которой въ то время, слѣдуя модѣ, являлись въ мундирахъ и бальныхъ платьяхъ люди, всю жизнь говорившіе по-французски и никакой словесностью, не говоря уже о россійской, не интересовавшіеся. Главнымъ предметомъ преслѣдованія этой партіи, преслѣдованія сперва робкаго, такъ сказать, заугольнаго, потомъ все болѣе и болѣе явнаго и наконецъ iubѣдоноснаго, былъ знаменитый Сперанскій ³⁾, интересную фигуру котораго рельефно, но неполно, только съ внѣшней стороны нарисовалъ Левъ Толстой.

Московское общество не принимало непосредственнаго участія въ борьбѣ и какъ будто старалось поменьше думать о политикѣ; но плотной массой своей оно представляло солидную опору для націоналистовъ и горячо привѣтствовало ихъ побѣду.

Вѣсть о паденіи Сперанскаго всюду была встрѣчена съ большою радостью ⁴⁾ именно потому, что обществу нужна была жертва, козель-грѣхоносецъ, чтобы свалить на него предполагаемыя ошибки правительства и очистить отъ всякихъ нареканій «обожаемаго монарха», а этотъ монархъ потому и назначилъ государственнымъ секретаремъ малоспособнаго, но беззавѣтно преданнаго національ-

¹⁾ «Общество» тогда ограничивалось столицами; провинціальныя дворяне, по словамъ Вигеля (I, 2, 237), отнеслись равнодушно къ пораженію при Фридландѣ: «были бы у нихъ только карты, гончія, зайцы, водка, пироги, шуты, балалаешники, плясуны, цыганскія пѣсни». А въ Москвѣ въ то время князь Одоевскій тратилъ массу денегъ, чтобы раньше другихъ узнавать политическія новости, и держалъ для этого особую квартиру близъ почтамта.

Впрочемъ, о провинціалахъ Вигель тутъ же прибавляетъ: «лѣтъ пять спустя (т. е. въ 1812 г.) заговорили они другимъ языкомъ».

²⁾ Вигель, II, 3, 36.

³⁾ Ibid., 150—152.

⁴⁾ Ibid., 4, 21.

нымъ интересамъ Шишкова, а главнокомандующимъ въ Москву Ростопчина, что наступалъ такой моментъ, когда вся Россія съ царемъ во главѣ и съ Москвою въ сердцѣ должна была составить одну партію, одно неразрывное цѣлое; наступала война 1812 г.

Но прежде, чѣмъ перейти къ ней, я скажу о другихъ сторонахъ внутренней жизни московскаго общества.

Въ Москвѣ и въ XIX в. большой баринъ не могъ шагу сдѣлать безъ толпы крѣпостныхъ приспѣшниковъ ¹⁾; да и владѣлецъ нѣсколькихъ десятковъ душъ не могъ съѣздить въ гости къ приятелю безъ того, чтобы на облучкѣ его рыдвана не тряся какой нибудь Петрушка или Филька въ рваныхъ сапогахъ; студенты изъ дворянъ всегда ѣздили въ университетъ съ лакеями; даже барчука чиновника на службу провожалъ лакей; нечего и говорить о московскихъ барышняхъ и дѣмахъ: внучки иныхъ изъ нихъ и до сихъ поръ возятъ лакеевъ на заняткахъ.

Ужасы крѣпостного права слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы останавливаться на нихъ; но было бы огромной ошибкой полагать, что эти ужасы были обыденнымъ, привычнымъ, никого не возмущающимъ явленіемъ въ крупныхъ центрахъ и въ александровское время, когда стыдъ уже наложилъ свою узду на помѣщичье самовластіе, да и нервы у многихъ были уже далеко не тѣ, что во времена Простаковыхъ ²⁾. Можно привести столбцы цитатъ въ доказательство того, что теперь въ обществѣ не любили и презирали тѣхъ, о комъ шла молва, что они тиранятъ людей своихъ. Если кого желали уронить въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, про того пускали слухъ, будто онъ самъ съчетъ своихъ крестьянъ ³⁾. Разказы о деревенскихъ неистовствахъ Измайлова возбуждали ужасъ и омерзѣніе во всѣхъ, до кого доходили они ⁴⁾; съ другой

¹⁾ Гр. Орловъ выѣзжалъ на гулянье въ сопровожденіи цѣлаго коннаго отряда, Зап. Соврем., 88—89.

²⁾ Волкова въ 1812 г. пишетъ (Вѣстникъ Европы, 1874 г., № 8, стр. 588), что многіе помѣщики покинули свои имѣнія, чтобы не слышать рева бабъ при наборѣ ратниковъ.

³⁾ Записки Современника, стр. 170.

⁴⁾ Ibid., 302—304. Жихаревъ говоритъ, что у него «волосы дыбятся» при этихъ разказахъ; должно, впрочемъ, замѣтить, что болѣе всего онъ возмущенъ тѣми жестокими штукаами, которыя Измайловъ позволялъ себѣ надъ бѣдными дворянами, и подымъ, корыстолюбивымъ самоуниженіемъ этихъ дворянъ.

стороны, съ удовольствіемъ и какъ бы съ нѣкоторой гордостью говорятъ о небогатомъ помѣщикѣ, который былъ такъ любимъ своими крестьянами, что тѣ послѣ его смерти добровольно собрали ему на памятникъ 400 рублей ¹⁾).

Этотъ помѣщикъ—одинъ изъ положительныхъ типовъ того времени и очень напоминаетъ деревенскаго «дядюшку» Ростовыхъ въ романѣ Толстого. Онъ былъ холостъ и имѣлъ женатаго брата и равныя съ нимъ права на наслѣдство; но онъ уступилъ брату 400 душъ, а себѣ взялъ 60, и этими душами управлялъ такъ, что онѣ внушали зависть всѣмъ мужичкамъ въ околоткѣ. Жилъ онъ необыкновенно просто и скромно, былъ всеобщимъ миротворцемъ, и когда прѣзжалъ въ гости къ сосѣдямъ, говорить современникъ Жихаревъ, «не токмо въ домѣ, но и въ цѣломъ селеніи водворялась свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія: дѣдушка не кричалъ на приказчика, приказчикъ не тузилъ мужиковъ, дворовые люди сидѣли всѣ на лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ» и т. д.

Изъ этой идиллической картинки видно, какова была нормальная жизнь въ помѣщичьемъ домѣ средней руки и какъ мало преувеличенія въ «Пошехонской старинѣ» Щедрина; но вѣдь это было въ деревнѣ; въ Москвѣ же всякій поневолѣ подтягивался и ругалъ и билъ прислугу только въ экстренныхъ случаяхъ, да и то не на людяхъ.

Правда, и въ Москвѣ обращеніе съ крѣпостными въ большинствѣ домовъ было грубое, и тотъ, кто называлъ своихъ людей полнымъ именованіемъ, многимъ казался чудакомъ, а въ глазахъ чинныхъ былъ просто яковинецъ. Но вѣдь въ то время всякій чиновный старикъ всѣмъ безъ исключенія молодымъ людямъ говорилъ ты; главнокомандующій обращался на ты къ заслуженнымъ генераламъ; даже департаментскій экзекуторъ говорилъ ты молодому чиновнику университетскаго образованія, такъ какъ онъ былъ выше его нѣсколькими чинами, да и четверть вѣка позднеѣ многоопытный Чичиковъ дѣйствительно никакъ не могъ понять, отчего Тететниковъ обидѣлся на генеральское ты. Правда, крѣпостные лакеи, и въ особенности карлики, за людей не считались ²⁾, и ихъ

¹⁾ Ibid., 65—66.

²⁾ Въ 1805 году либеральный Ростовчинъ въ видѣ милой шутки заперъ живого карлика въ паштетъ именинницѣ. Ibidem, 43.

присутствіе ни въ какіе моменты не смущало цѣломудренныхъ дамъ и дѣвицъ московскихъ; но вѣдь при Екатеринѣ всѣ высокія особы принимали подчиненныхъ и просителей во время совершенія туалета. Стало быть, въ этомъ и въ подобныхъ этому обычаяхъ сказывалось не крѣпостничество, а просто грубость нравовъ, отзвукъ татарщины, «прошедшаго житья подлѣйшія черты», которыя сильно и замѣтно уступали новымъ началамъ именно въ періодъ англomanіи и либерально-гуманныхъ стремленій Александра I.

Конечно, безправіе крещеной собственности поддерживало эту грубость, и безграничное своеволие дворянъ и было не малой помѣхою для осуществленія благихъ намѣреній Александра I. Я приведу двѣ картинки изъ московскихъ нравовъ той эпохи, свидѣтельствующія о степени этого своеволія и этой грубости.

Въ 1805 году поручикъ нотенбургскаго полка, Сементовскій, увидалъ на улицѣ барышню, наружность которой ему понравилась; онъ хотѣлъ немедленно увезти ее силою, но не удалось. Поручика арестовали и притянули къ допросу. Его спрашиваютъ: «Что побудило васъ къ такому насилію?» — «Понравилась». — «Знаете-ли вы коротко эту дѣвушку?» — «Вовсе не знаю». — «Какъ зовутъ ее?» — «Не знаю». — «Гдѣ и у кого живетъ она?» — «Не знаю». — «Какое было ваше намѣреніе?» — «Жениться». — «Какъ же вы хотѣли жениться, если ея совсѣмъ не знаете?» — «Я узналъ бы послѣ». — «Но она не хотѣла ѣхать съ вами». — «Что мнѣ за дѣло до ея хотѣнья! У меня своя воля». Поручика выдержали недѣль шесть подъ арестомъ ¹⁾.

Въ томъ же году, въ концѣ октября, на садкѣ за тверской заставой, въ присутствіи многочисленной публики, два солидныхъ помѣщика изъ лучшихъ фамилій, Лихаревъ и Похвисневъ, по предложенію содержателя садки, пускали за зайцами собакъ своихъ. Собака Лихарева не догнала зайца. У ея хозяина побагровѣло лицо и напряжились жилы. «Что, батюшка, Никита Андреевичъ, — сказалъ ему Похвисневъ, — видно, русачекъ-то не по силамъ вашей собачкѣ». Лихаревъ промолчалъ, но бросилъ на соперника свирѣпый взоръ. Пустили собаку Похвиснева, она догнала зайца. «Браво, браво!» — закричали охотники. «Какое тутъ браво, — завопилъ Лихаревъ, — это просто стачка между двумя подлецами: одинъ сажаетъ

¹⁾ Записки Современника, стр. 79—80.

полумертваго русака, другой пускаетъ на него свою полудворнягу, чтобы только сдѣлать мнѣ афронты!». При этой выходкѣ Похвисневъ бросился на Лихарева съ арапникомъ, но тотъ предупредилъ его сильнымъ ударомъ кулака въ лицо, такъ что разбитыя вдребезги очки почти врѣзались въ глаза Похвисневу, и «тутъ уже пошло сущее кровопролитіе». Публика поспѣшила разѣхаться, а бойцовъ отвезли къ оберъ-полицеймейстеру. Резолюція главнокомандующаго Беклешова по этому дѣлу была такая: Лихарева съ Похвисневымъ содержать, какъ озорниковъ, подъ арестомъ, пока искренно не помирятся, а помирятся—тотчасъ выпустить, сдѣлавъ нотацію, что «благороднымъ людямъ, къ соблазну публики, приходитъ въ азартъ и драться стыдно». Въ тотъ же день бойцы помирились; о дуэли, конечно, не было и рѣчи ¹⁾.

Согласитесь, что все это очень мало похоже на французскихъ маркизовъ и шевалье. Не похожа на нравы сенжерменскаго предмѣстья и такая, напримѣръ, реплика княжны Гагариной на неловкій комплиментъ одного любезника: «Ахъ, Иванъ Кузьмичъ! вы не можете себя представить, какъ вы намъ всѣмъ надоѣли» ²⁾.

Нѣтъ худа безъ добра: съ этой грубостью и моральной неопытностью была соединена простота нравовъ и самое широкое гостепримство. Уже не слышно объ ежегодныхъ открытыхъ обѣдахъ екатерининскаго времени для всѣхъ желающихъ; но малѣйшей тѣни знакомства было достаточно, чтобы не выпускать гостя, не накормивши. Молодой человѣкъ, надѣвъ въ первый разъ студенческій мундиръ, дѣлаетъ визитъ едва знакомому барину; тотъ буквально принимаетъ его съ распростертыми объятіями, называетъ м и л ы м ъ, у м н и ц е й, р о д н ы м ъ, скликаетъ всю свою семью, хочетъ насильно накормить его завтракомъ, требуетъ шампанскаго ³⁾. Заѣзжаютъ раннею весною нѣсколько молодыхъ людей на чужую дачу посмотреть оранжереи; хозяинъ оказывается здѣсь; онъ знакомится съ ними и не отпускаетъ ихъ безъ обѣда съ шампанскимъ ⁴⁾. Въ экстренныхъ случаяхъ гостепримство простирается и на людей, совсѣмъ не знакомыхъ: на сокольничьѣмъ гуляньѣ 1-го

¹⁾ Ibidem, 191—192; 206--207.

²⁾ Ibidem, 127.

³⁾ Ibid., стр. 3.

⁴⁾ Ibid., 50—54.

мая тароватые дворяне устраивают палатки, куда почти затаскивают всѣхъ мимоидущихъ и угощаютъ на убой. На водахъ въ Липецкѣ одинъ прїѣзжій задаетъ *gouter dansant* для всѣхъ посѣтителей, больныхъ и здоровыхъ, а такъ какъ въ вокзалѣ недостаточно посуды, то всѣ приглашенные присылаютъ свое серебро и фарфоръ. Тамъ же въ Липецкѣ тоже въ складчину сдумѣли ¹⁾ устроить и доброе дѣло: 6 августа окрестные крестьяне навезли такую массу яблокъ, что не могли распродать ихъ; приходилось или везти товаръ назадъ, или выбрасывать его. Водяные посѣтители сдѣлали «коллекту», скупили всѣ яблоки и роздали ихъ дѣтямъ и дворовымъ. Милліонеры въ родѣ гр. Орлова всѣ свои потѣхи обращали въ народныя удовольствія, и едва-ли кто въ состояніи разобрать, какая въ этомъ доля бахвальства и какая—добраго чувства, желанія повеселить бѣдняковъ.

Увеселенія и развлеченія этого почти сплошь бездѣльничавшаго общества поражаютъ своимъ разнообразіемъ: кромѣ именинъ, ба-ловъ, званыхъ обѣдовъ, гуляній, скачекъ, и пр. и пр., были и забавы крайне грубыя, въ родѣ боя гусей, пѣтуховъ, травли медвѣдей, кулачныхъ боевъ, картежныхъ вечеровъ, гдѣ проигрывались цѣлыя состоянія, гомерическихъ квалифицированныхъ попоекъ, о которыхъ болѣе слабыя поколѣнія и понятія не имѣютъ, и въ которыхъ участвовали не только юныя соврасы, въ родѣ Долохова и Курагина, но и люди почтенныхъ лѣтъ и положенія ²⁾; были и развлеченія утонченныя, совсѣмъ европейскія. Въ Москвѣ тогда было три театра: русскій, французскій и нѣмецкій, и два первые были почти постоянно переполнены дворянствомъ; «на завтрашній спектакль», если онъ представлялъ нѣкоторый интересъ, приходилось брать билеты съ бою. Очень характерно отношеніе московскаго общества того времени къ русскому театру и его артистамъ: съ одной стороны, первые «сюжеты», на примѣръ Плавильщиковъ, обѣдаютъ у аристократовъ-любителей, и молодые драматурги—писать для театра послѣ Фонвизина и самой Екатерины стало дѣломъ серьезнымъ и почет-

¹⁾ Положимъ, по идеѣ иностранки, красавицы Альбини. „Записки Современн.“, стр. 140.

²⁾ Въ Петербургѣ говорили: «Кто у Малютина (генераль-лейтенантъ) пообѣдаетъ, а у Кологривова (шефъ лейбъ-гусарскаго полка) поужинаетъ и къ утру не умретъ, тотъ два вѣка проживетъ». Дневникъ Чиновника, Отеч. Зап., 1855 г., сент., стр. 150.

нымъ—заискиваютъ передъ ними; а съ другой стороны играть на публичномъ театрѣ для бывшаго студента—ужасный позоръ; актеры и актрисы изъ крѣпостныхъ печатаются безъ буквы г (господинъ или госпожа), а «когда они зашибаются», безчеловѣчно пронизируетъ студентъ-театраль¹⁾, «имъ дѣлается выговоръ особаго рода»²⁾.

Другіе въ такой же степени увлекались музыкой, держали свои оркестры, знакомились со всѣми мѣстными и приѣзжими знаменитостями, нанимали ихъ, чтобъ угощать ихъ искусствомъ знакомыхъ.

Теперь, какъ и въ лучшіе годы царствованія Екатерины, выдающимися, передовыми литераторами являются члены дворянскаго общества; изъ нихъ же выходятъ и любители-ученые, собиратели древностей, даже естествоиспытатели (быть профессиональнымъ ученымъ, занимать, напримѣръ, кафедру въ университетѣ, долго и послѣ этого считалось неприличнымъ для дворянина). Но разница въ томъ, что при Екатеринѣ словесность служила только забавой, а теперь барышни и молодыя дамы до безсонницы, до разстройства нервовъ зачитываются новыми сантиментальными романами госпожъ Жанлисъ и Коттэнь³⁾; даже русскія повѣсти заставляютъ проливать слезы; теперь именно въ Москвѣ нашелся охотникъ отдать себя всецѣло журналистикѣ и литературѣ — Карамзинъ, и не видно изъ его біографіи, чтобъ его считали чужакомъ, оригиналомъ, чтобы смѣялись надъ нимъ. Что касается до собиранія памятниковъ старины, то въ вѣкъ Екатерины, кромѣ самой императрицы, только Повиковъ да кн. Щербатовъ приобрѣли извѣстность на этомъ поприщѣ, а теперь въ одной Москвѣ можно было насчитать десятки цѣнныхъ коллекцій и нѣсколько ученыхъ обществъ.

Но отдаться смолоду театру, музыкѣ, литературѣ или наукѣ могли сравнительно немногіе. Куда же было направить свои свѣ-

¹⁾ Зап. Совр., стр. 20.

²⁾ Другой театраль, Вигель (Восп., I, 2. 34), ужасно возмущается поведеніемъ помѣщика, который сажаетъ своихъ крѣпостныхъ артистовъ и артистокъ за одинъ столъ съ гостями и даже съ губернаторомъ.

³⁾ „Княгиня Оболенская изъ Газетнаго переулка заболѣла отъ чтенія Амаліи Мансфильдъ“, — пишетъ Волкова (Вѣстн. Евр., 1874 г., № 8, стр. 646). Это романъ Коттэнь: Амелія Мансфильдъ, переведенный въ 1810 г.; 2-е изданіе въ 1817 г.

жія силы остальнымъ, многимъ тысячамъ? Оставалась служба, все еще считавшаяся нравственно обязательной; но такъ какъ общество подьячихъ не представляло для дворянина ничего привлекательнаго, то огромное большинство поглощалось военной службой, этой «обязательной и безупречною праздностью», по выраженію Толстого ¹⁾. Свѣтлыя и темныя стороны ея изображены въ «Войнѣ и Мирѣ» съ такимъ талантомъ и знаніемъ дѣла, что ни критику, ни историку культуры не останется прибавить ни единого слова; все сказано, и такъ хорошо и вѣрно сказано, что читателю, никогда не бывавшему въ лагерѣ, кажется будто онъ самъ служилъ въ павлоградскихъ гусарахъ.

Для другихъ военную службу замѣняло масонство: въ масонской ложѣ, какъ и въ полку, человѣкъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ на волѣ, именно потому, что онъ тамъ подчинялся дисциплинѣ, прибрѣталъ право уважать себя, какъ стоявшаго выше толпы, и въ то же время удовлетворялъ самымъ идеальнымъ человѣческимъ стремленіямъ: къ вѣрѣ и любви, къ равенству и братству.

Масоны, дѣйствовавшіе въ то время, принадлежали къ двумъ разнымъ поколѣніямъ: старыя екатерининскіе масоны, очищенные и какъ бы просвѣтленные гоненіемъ, хотя и считались чудаками, но пользовались уваженіемъ лучшей части общества ²⁾ (старушкамъ они внушали ужасъ чисто по недоразумѣнію: ихъ смѣшивали съ иллюминатами, между которыми дѣйствительно встрѣчались фокусники и смѣлые безсовѣстные обманщики); ихъ представителемъ въ «Войнѣ и Мирѣ» является «благодѣтель» Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ. Масоны младшаго поколѣнія подчинялись духу времени: скромно философствовали, умѣренно либеральничали и сантиментальничали ³⁾ и мало дѣлали; ихъ общество не надолго могло удовлетворить умнаго Пьера Безухова.

Въ противоположность людямъ, ищущимъ истины и самоподчиненія, видную и въ глазахъ молодежи, пожалуй, блистательную роль играли смѣльчаки, какъ бы хваставшіеся тѣмъ, что они не уважаютъ никого и ничего и повинуются только страстямъ своимъ и капризамъ. Такіе люди бываютъ всегда и вездѣ, и наивная по-

¹⁾ III ч., стр. 111.

²⁾ Зап. Совр., стр. 38.

³⁾ Припомнимъ женскія перчатки у Толстого (II, 102).

эзія любить заниматься ими, потому что удалство ихъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе. Поэзія сознательная, изображающая жизнь общества болѣе или менѣе благоустроеннаго, смотритъ на свойство страстей ихъ; если эти страсти узко-эгоистичны и низки, она дѣлаетъ изъ такихъ людей типы отрицательные; если же они хоть иногда руководствуются благородными альтруистическими инстинктами, и она склонна идеализировать силу, заключающуюся въ ихъ безстрашіи. Представители сознательнаго нравственнаго нигилизма появились у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка; Пушкинъ изобразилъ ихъ въ Швабринѣ Капитанской дочки, Тургеневъ въ Лучиновѣ, въ повѣсти: Три портрета, оба со стороны отрицательной. Въ обществѣ александровскомъ къ этому типу принадлежалъ знаменитый Толстой-американецъ, внушавшій почти благоговѣніе юному Вигелю ¹⁾ (очевидно потому, что въ натурѣ послѣдняго не было и тѣни удалства) и такъ жестоко, но справедливо развѣнчаный Грибоѣдовымъ въ стихахъ:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
 Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
 И крѣпко на руку не чистъ и пр.

Авторъ «Войны и Мира» обработалъ этотъ типъ въ нагломъ буйвѣ, игрокѣ и бретерѣ Долоховѣ. Но смотрите, какая характерная разница между портретомъ сатирика, возмущеннаго пошлостью современности, и созданіемъ эника, идеализирующаго прошлое: увлекательныя (для Репетилова и К^о) рѣчи мошенника о высокой честности дѣлаютъ изъ него фигуру комическую, несмотря на всю ея зловредность. А Долоховъ при всей своей жестокости и нагломъ фатовствѣ—фигура красивая, а въ своей любви къ матери и горбатой сестрѣ—даже симпатичная.

Пестрая, шумная, но въ сущности пустая, бессмысленная жизнь московскаго общества не могла удовлетворить лучшихъ людей той эпохи: Пьеръ Безухій не чувствуетъ отъ нея тоски только послѣ двухъ бутылокъ вина; Андрей Болконскій съ омерзѣніемъ бѣжитъ отъ нея въ Богучарово; даже ограниченный, непритязательный Николай Ростовъ, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, испытываетъ какой-то нравственный Katzenjammer и съ радостію уѣз-

¹⁾ См. Воспом., I, 2, 142; II, 3, 47; Ibidem, 78. Ср. Былое и Думы, I, 321 и пр.

жаеть въ свой полкъ. Безъ упрековъ совѣсти вполне наслаждаются московскими удовольствіями только такія полуживотныя, какъ Анатоль Курагинъ и сестра его.

Но вотъ насталь критическій моментъ, который показали, что это общество, такъ рѣдко и плохо говорившее по-русски, вовсе не настолько оторвано отъ народной почвы, какъ это могло казаться постороннимъ наблюдателямъ. Началась великая отечественная война, и русское барство слилось въ одно цѣлое съ русскимъ народомъ. Тогда у всѣхъ нашлось и а с т о я щ е е дѣло; всѣ понадобились: и Николай Ростовъ, и буянь Долоховъ, и Андрей Болконскій, даже Бергъ и даже Анатоль Курагинъ; даже ни на что негодныя Жюли Друбецкія щиплютъ корпію и собираютъ штрафы за французскій разговоръ.

Во главѣ движенія стала Москва, теперь оказавшаяся не отставной, а самой настоящей столицей, столицей русскаго народа.

Война 1812 г. есть война по преимуществу московская; Москва ея альфа и омега, и поэтъ этой войны Л. Толстой показали это съ художественной наглядностью. Вступая въ Россію, Наполеонъ стремился къ «святой Москвѣ» (*Moscou la sainte*), а наша армія употребляла всѣ усилія, чтобы заступить ему дорогу. Русскій народъ (теперь уже въ цѣломъ своемъ составѣ, безъ раздѣленія на сословія) больше всего боялся за Москву. «Если Москва погибнетъ, все пропало», пишетъ умная барышня Волкова: «Бонапарту это хорошо пзвѣстно, онъ никогда не считалъ равными обѣ наши столицы»¹⁾. Въ Москвѣ впервые выразился тотъ страшный подъемъ народнаго духа, надъ которымъ такъ неумѣстно изощряли свое остроуміе черезчуръ хладнокровныя петербуржцы. При Бородинѣ остановился Кутузовъ, чтобы, повинувась голосу народному, попытаться спасти Москву, и далъ знаменитое сраженіе—*la bataille de Moskova*. Бѣгство жителей и пожаръ Москвы нанесли неожиданный и страшный ударъ всѣмъ расчетамъ и планамъ Наполеона. Въ моментъ гибели Москвы горе русское достигло высшей степени, и тогда-то пробудилась въ народѣ такая страшная сила отчаянія, такое ожесточеніе, передъ которымъ не могли бы устоять и десятки армій. «Послѣ взятія Москвы пропаль страхъ», говорятъ современ-

¹⁾ „Грибоѣдовская Москва“, Вѣстн. Евр., 1874 г., № 8, стр. 595.

«Въ Россіи,—пишетъ она немного поадиѣ,—многіе не подозрѣваютъ о существованіи другой столицы, кромѣ Москвы», *ibid.*, 608.

ники ¹⁾, а съ чѣмъ не сладить человѣкъ, которому нечего бояться? Острая сердечная боль, которую почувствовалъ народъ при извѣстїи о томъ, что его древняя столица перестала существовать, сдѣлала нашихъ добродушныхъ дѣдовъ злыми, мстительными корсиканцами ²⁾, и тогда-то началась та безжалостная партизанская война, которая должна была уничтожить «великую армію» чуть не до послѣдняго человѣка. И нельзя не замѣтить, что по мѣрѣ истребленія оскорбителей и удаленія театра войны отъ пожарища Москвы это ожесточеніе слабѣетъ, а когда наша армія переходитъ границу, война перестаетъ быть отечественной и становится европейской.

Какъ же вело себя по «Войнѣ и Миру» московское общество въ это критическое время? Оно, по мнѣнію Толстого, совершило три подвига: оказало правительству огромную помощь людьми и деньгами; оно отпустило въ дѣйствующую армію всю молодежь свою и, въ-третьихъ, наконецъ оно бѣжало изъ Москвы. «Та барыня,—говоритъ Толстой ³⁾—которая еще въ іюнь мѣсяцѣ съ своими арапами и шутихами подвигалась изъ Москвы въ Саратовскую губернію съ смутнымъ сознаниемъ того, что она Бонапарту не слуга, дѣлала просто и наивно то великое дѣло, которое спасло Россію». Въ этихъ словахъ много правды: кто рѣшилъ, что онъ Бонапарту не слуга, тотъ никогда Бонапарту слугою и не будетъ. Но вопросъ въ томъ, многія ли московскія барыни обладали такимъ сознаниемъ, хотя бы и смутнымъ? Иныя владѣтельницы араповъ и шутихъ были развиты не болѣе этихъ шутихъ и бѣжали изъ страха передъ антихристомъ; многія, какъ показалъ самъ же Толстой, уѣзжали только потому, что другія уѣзжаютъ; иныя руководствовались соображеніемъ болѣе основательнымъ—боялись не столько французовъ, сколько своихъ же солдатиковъ и козаковъ, которые должны были пройти прежде Наполеона, и наконецъ московскаго простонародья, поджигаемаго Р о с т о п ч и н н ы м ъ.

¹⁾ Воспом. Вигеля, II, 4, 50. „Сегодня почты не будетъ“,—объявляютъ въ Пензѣ (ibid.), такъ какъ почти вся корреспонденція шла или изъ Москвы или черезъ Москву, и можно себя представить, какой ужасъ должно было произвести подобное объявленіе! Разрушались всѣ связи общественныя, и многимъ показалось, что настала конецъ всему.

²⁾ Ibid.. 58.

³⁾ V, 19.

Прениторесная и прехарактерная фигура этотъ русскій маленькій Дантонъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ своими грубоостроумными афишами, которыми онъ то, какъ администраторъ, сдерживаетъ страсти, то, какъ демагогъ, разжигаетъ ихъ. Толстой оказалъ большую услугу нашему самосознанію, занявшись имъ хоть мимоходомъ; остановиться на немъ подолѣе онъ не имѣлъ желанія по причинѣ вполнѣ понятной; самохвальная, мелко-самолюбивая натура Ростопчина не годится для эпопей.

Кутузовъ и Ростопчинъ не любятъ другъ друга, но они оба понимаютъ, что съ «великой арміей» можетъ сладить только цѣлый народъ, и оба дѣйствуютъ въ этомъ направленіи: возбуждаютъ народную войну. Когда, по выраженію одного умнаго лакея-современника, «раздразнили мужика сердитаго» ¹⁾, мудро ли, что отъ этого сердитаго мужика изрѣдка доставалось и барамъ, патріотическаго бѣгство которыхъ не въ овраги и лѣса, а въ мѣстности спокойныя, пощаженыя нашествіемъ, было ему не совсѣмъ повятно?

Но это были частные случаи ²⁾; въ общемъ же мужики показали гораздо болѣе такта и довѣрія къ начальству, чѣмъ можно было ожидать отъ нихъ. Современники замѣчаютъ, что простой народъ въ это время сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступкахъ и рѣчахъ, зато въ дѣйствіяхъ проявлялъ гораздо болѣе послушанія ³⁾. Общее бѣдствіе сближаетъ мужика и барина; баринъ чуть не въ первый разъ близко видитъ настоящую бѣдность и нужду, испытываетъ ее и на себѣ ⁴⁾ и возвращается изъ кратковременной эмиграціи болѣе добрымъ и гуманнымъ и болѣе русскимъ человѣкомъ.

Это сближеніе съ народомъ и обрусеніе нашего общества выражается и въ мелочахъ, и въ серьезномъ: перестаютъ говорить по-французски; барыни одѣваются въ сарафаны и кокошники, а мужчины—въ ополченскіе кафтаны ⁵⁾; поэты начинаютъ сочинять стихи и пѣсни для народа ⁶⁾; барыни и бабы вмѣстѣ плачутъ, отпуская на войну мужей и братьевъ, и вмѣстѣ молятся за нихъ, наполняя

¹⁾ Воспоминанія Вигеля, II, 4, 39.

²⁾ Одинъ изъ нихъ очень красиво и занимательно, но едва ли совсѣмъ безпристрастно, изображенъ гр. Л. Толстымъ въ Богучаровскомъ бунтѣ.

³⁾ Вигель, I, с.

⁴⁾ Грибоѣдовская Москва, «Вѣстн. Евр.», 1874 г., № 8, стр. 604.

⁵⁾ Вигель, II, 4, 59.

⁶⁾ См. 10-й выпускъ пѣсень Кирѣевскаго.

церкви и по буднямъ. «Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ,—пишетъ Волкова ¹⁾,—тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго, и отдаю ему полную справедливость».

Этотъ великій моментъ преклоненія русской интеллигенціи передъ вѣрой и правдой народнои и простодушнымъ героизмомъ сѣрой деревни нашелъ высоко-поэтическое выраженіе въ изображеніи того, что видѣлъ и чувствовалъ Пьеръ Безухій подь Бородинымъ и чему научился онъ въ московскомъ баракѣ отъ простоватаго Каратаева. Вступилъ онъ въ этотъ баракъ Пьеромъ, а вышелъ оттуда Петромъ Кирилловичемъ.

Но мы далеки отъ временъ Булгарина и Загоскина, и авторъ «Войны и Мира» не закрываетъ глазъ на темныя пятна великаго года. Оказывается, что свои православные войны грабили больше, нежели французы; да и могло ли это быть иначе, когда въ нашей арміи дисциплина поддерживалась только побоями, и при ней состояли многочисленныя Лаврушки, въ которыхъ розги убили всякое чувство чести? И изъ Москвы гораздо больше добра расхитили подмосковные мужики, нежели наполеоновскіе солдаты; но Толстой очень остроумно доказываетъ, что отъ грабежа своихъ Москва только поправлялась.

Всѣ современники поражались тѣмъ, какъ быстро этотъ выжженный и дважды разграбленный городъ возникалъ изъ-подъ развалинъ. «Со времени несчастія,—пишетъ Волкова ²⁾, Москва стала еще милѣе для тѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ»; и вотъ едва французская армія вышла изъ предѣловъ губерніи, къ пожарницѣ столицы со всѣхъ сторонъ потянулись обозы и мужицкіе и купеческіе. Уже въ іюлѣ 1813 г. въ Москвѣ насчитывали около 200.000 жителей ³⁾, больше, чѣмъ было въ 1811 г.; она стала богаче прежняго и лавками и фабриками ⁴⁾; богатые баре спѣшатъ отстраиваться, и сами говорятъ, что теперь, благодаря французамъ, они станутъ жить по-человѣчески ⁵⁾; отстройка погорѣлыхъ домовъ сдѣлалась самой модной спекуляціей. Все древнее и живописное въ

¹⁾ I. с., стр. 599.

²⁾ I. с., стр. 612.

³⁾ «Вѣстн. Евр.», 1874 г., № 9, стр. 118. Ср. «Война и Миръ», VI, 121.

⁴⁾ Ibid., 121.

⁵⁾ Ibid., 123.

Москвѣ уцѣлѣло, а старое было замѣнено новыми красными постройками ¹⁾.

Быстро оправилось и московское барство: недавнюю нужду опять замѣнила страшная роскошь (уже въ 1814 году въ дворянскомъ собраніи устраивались празднества, гдѣ на одной княжнѣ Шаховской было на 600.000 брилліантовъ, да платье ея стоило 2000 рублей); опять въ Москвѣ начинаютъ веселиться и плясать до упаду, и Марія Волкова жалуется, что нѣтъ физической возможности бывать у всѣхъ знакомыхъ; въ концѣ сезона она серьезно печалится о томъ, что въ одну зиму двѣ московскія барышни за-танцовались положительно до смерти, а третья—до злой чахотки.

Въ массѣ общества быстро исчезли новыя идеи, навѣяанныя бѣд-ствіемъ; когда «сердитый мужикъ» успокоился и вернулся къ своимъ мирнымъ занятіямъ, на него опять стали смотрѣть попрежнему; опять вездѣ раздавался французскій языкъ, который, вслѣдствіе огромнаго количества плѣнныхъ, распространился и по медвѣжьимъ угламъ, гдѣ прежде о немъ не было и слышно. Въ высшихъ сферахъ есть нѣкоторыя учрежденія, гдѣ все дѣлопроизводство ведется по-французски ²⁾; есть учебныя заведенія, даже казенныя, гдѣ языкъ преподаванія французскій. Многія русскія барыни охотвѣе посѣщаютъ французскую церковь, чѣмъ русскую, и обращенія въ католичество къ концу царствованія Александра становятся зауряднымъ явленіемъ.

Но для лучшихъ людей 1812 годъ не могъ пройти безслѣдно: оставшійся въ живыхъ герой «Войны и Мира» Безухій, до тѣхъ поръ вѣчно недовольный, бесполезный, даже жалкій и смѣшной «международный» человекъ, сдѣлался дѣйтельно-добрымъ, находчивымъ, всеобщимъ примирителемъ и объединителемъ русскихъ людей съ честными и благими стремленіями.

1-го января 1813 года русскія войска выступили за границу,

¹⁾ Воспоминанія Вигеля, III, 1, 212.

²⁾ Вигель (III, 5, 9 и слѣд.) служитъ подъ начальствомъ Бетанкура, который не понимаетъ по-русски; этотъ Бетанкуръ сдѣлалъ директоромъ института путей сообщенія бывшаго якобинца Сенновера, который роздалъ французамъ учительскія мѣста. „Пусть сыщутъ другую землю, врагами не покоренную,—говоритъ Вигель,—гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства по ихъ прихоти дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ“ (ibid., 30).

и многія тысячи ихъ возвратились на родину только въ 1818 году послѣ Ахенскаго конгресса. Повѣстно, что это пятилѣтнее непосредственное знакомство съ европейской жизнью не могло не произвести сильнаго вліянія на русскихъ офицеровъ, а черезъ нихъ и на все русское дворянство ¹⁾, тѣмъ болѣе, что и Европа тогда находилась въ особыхъ условіяхъ, да и русскіе чувствовали себя въ ней не попрежнему: не ненавистными варварами-разрушителями явились они теперь туда, а желанными освободителями. Когда человѣку выказываютъ любовь и уваженіе, ему, естественно, хочется вести себя такъ, чтобы не ослабить, а усилить это чувство, и онъ становится и добрѣе, и умнѣе, и откровеннѣе, и наблюдательнѣе. А наблюдать было что: во-первыхъ, сильный подъемъ народнаго духа въ Германіи, подобный тому, какой былъ въ 1812 году въ Россіи, только въ иныхъ соціальныхъ формахъ: здѣсь не предводители дворянства, а профессора и писатели вооружали народъ; здѣсь правительства не приказывали, а запскивали у подданныхъ и прельщали ихъ обѣщаніями. Затѣмъ началась отчаянная война, гдѣ одна сторона билась за господство, а другая—за свободу; война окончилась «битвой народовъ» при Лейпцигѣ, и народы побѣдили военнаго деспота. Затѣмъ слѣдовало тяжелое, но поучительное зрѣлище униженной Франціи, изгнаніе ненавистнаго тирана и восстановленіе «законнаго порядка»; но когда оказалось, что законный порядокъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій, ненавистный тиранъ снова обратился въ возлюбленнаго императора, а давно желанный монархъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Тогда Европа съ удивленіемъ услышала, какъ великій жрецъ суровой солдатской дисциплины заговорилъ о свободѣ мысли, о конституціи, а немного позднѣе боговѣнчанный король, чтобы привлечь на свою сторону вѣрныхъ подданныхъ, подкрѣплялъ свою хартію новыми торжественными обѣщаніями. Въ Мобезѣ, гдѣ стоялъ русскій оккупационный корпусъ, наши офицеры могли узнать о томъ, какъ мало думали нѣмецкія правительства о дарованіи народамъ тѣхъ благъ, которыя они насулили въ горячую минуту, и какъ только одинъ владѣтель маленькаго Саксенъ-Веймарскаго герцогства, Карль-Августъ, другъ Гёте, не обманулъ ожиданій своихъ подданныхъ. На

¹⁾ Надо при этомъ еще принять въ расчетъ, что въ то время масса русскихъ путешествовала за границей, между прочимъ и для того, чтобы видѣться съ родственниками и друзьями.

глазахъ у нихъ зародился «священный союзъ», и на ихъ же глазахъ выродился онъ въ Меттерниховскую «систему», подъ вліяніемъ которой вчерашніе вѣрные сыны отечества сегодня стали опасными демагогами. Они еще не думали покидать предѣловъ Франціи, когда нѣмецкіе студенты устроили вартбургскій праздникъ (октябрь 1817 г.), съ котораго начался репрессалин, и они еще не успѣли перейти русскую границу, когда пропозило политическое убійство статскаго совѣтника Коцебу (мартъ, 1819 г.), послужившее сигналомъ для того, чтобы осторожныя репрессалин обратились въ явную общую реакцію. Извѣстно, какъ эта реакція, совпавшая съ роковымъ поворотомъ въ характеръ и убѣжденіяхъ Александра I, тяжело отозвалась въ Россіи, и между прочимъ на положеніи военныхъ. Имя Аракчеева черезъ солдатъ попало даже и въ народныя пѣсни, а пресловутая семеновская исторія показала, какимъ духомъ проникнута значительная и лучшая часть нашего войска.

Русскіе офицеры этой эпохи болѣе или менѣе рѣзко могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, при чемъ довольно вѣрною основой дѣленія служитъ время ихъ вступленія въ службу. Кто по волѣ родителей, по расчету или по страсти надѣлъ мундиръ въ первое десятилѣтіе нашего вѣка, тотъ вслѣдствіе длиннаго ряда походовъ, оторвавшихъ его отъ семьи и отъ общества, поневолѣ одичалъ, застылъ въ военничѣ и до нѣкоторой степени долженъ былъ уподобиться полковнику Скалозубу; отъ такихъ господъ умственное развитіе русскаго общества, конечно, не могло ничего ожидать, кромѣ «фельдфебеля въ Вольтеры»; вѣдь и Николай Ростовъ одной стороной существа своего принадлежитъ къ тому же типу, только обработанному не съ отрицательной, а съ положительной стороны; вотъ почему онъ и выражаетъ полную готовность, по приказу Аракчеева, рубить съ своимъ эскадрономъ Безухова и его товарищей ¹⁾.

Совсѣмъ иного типа русская молодежь, кинувшаяся въ военную службу въ 1812 году подъ вліяніемъ увлеченія не мундиромъ, а идеєю и живымъ всенароднымъ чувствомъ. Часть ея (какъ, наприкладъ, и самъ Грибоѣдовъ) вернулась къ мирнымъ занятіямъ, но многія сотни остались офицерами, отчасти по немѣнью другого дѣла, отчасти изъ привязанности къ товарищамъ. Эти люди не могли обратиться въ Скалозубовъ: въ Европу они попали въ лучшіе,

¹⁾ VI, 216.

какъ говорятъ нѣмцы, учебные года, вынесли оттуда много идей и благородныхъ стремлений, и на войну смотрѣли они не какъ на средство выслужиться, а какъ на тяжкую, печальную необходимость ¹⁾). Они-то вмѣстѣ съ своими штатскими единомышленниками и явились зацѣвалами въ умственномъ движеніи начала 20-хъ годовъ. Вотъ какъ Вигель, въ очень слабой степени сочувствующій этому движенію, говоритъ о перемятѣ, происшедшей въ нравахъ и настроеніи нашего общества этого времени: «Быть неутомимымъ танцовщикомъ, въ разговорахъ съ дамами всегда находить что-нибудь пріятное, въ гостинныхъ при нихъ находиться неотлучно,—все это перестало быть необходимостью. Требовалось болѣе ума, знаній; маленькое ораторство начинало заступать мѣсто комплиментовъ» ²⁾). Немного ниже ³⁾) онъ увѣряетъ, будто высылка Пушкина, въ 1820 году, страшно поразила петербургскихъ вольнодумцевъ и загнала ихъ либерализмъ въ землю, гдѣ онъ и началъ дѣлаться опаснымъ.

Въ этомъ году происходитъ дѣйствіе эпилога «Войны и Мира»; Петръ Безухій возвращается изъ Петербурга, гдѣ нашелъ все въ ужасномъ положеніи и гдѣ убѣждалъ всѣхъ порядочныхъ людей, во имя дѣятельной добродѣтели, «взяться рука съ рукой, чтобы противостать общей катастрофѣ», составить союзъ всѣхъ честныхъ людей, «джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова», съ цѣлю общаго блага и общей безопасности ⁴⁾).

Извѣстно, что такой союзъ «джентльменовъ» составилъ, но, увы, не сталъ онъ къ правительству въ «отношеніе помощниковъ», какъ мечталъ объ этомъ миролюбивый Безухій!

Въ тотъ же тяжелый періодъ реакціи, во время господства Аракчеева и Магницкаго, происходитъ и дѣйствіе трагикомедіи Грибоѣдова. Трагизмъ ея въ томъ, что въ ней одинъ человѣкъ съ просвѣщенными идеями и благородными стремленіями поставленъ въ необходимость бороться противъ цѣлаго общества своихъ ближнихъ. Чацкій не изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ устроить свою жизнь, добиться личнаго счастья; зато, какъ обличитель и

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, братъ Волковой, см. Вѣстникъ Европы. 1874 г. № 10, стр. 582 и разсѣм.

²⁾ III, 6, 32.

³⁾ Ibidem, 85—86.

⁴⁾ VI, 213—215.

боець, онъ драгоцѣнный человѣкъ: его огромный умъ, ѣдкое остроуміе, несокрушимая энергія, самозабвенная отвага, пренебреженіе къ личнымъ интересамъ, горячая любовь «къ свободной жизни» и горячая ненависть къ врагамъ ея даютъ ему видное мѣсто въ самыхъ первыхъ рядахъ честной прогрессивной партіи. Но вѣдь нужна партія, нужны товарищи, на которыхъ онъ могъ бы опереться; а въ томъ кружкѣ московскаго общества, куда судьба забросила Чацкаго, онъ совсѣмъ одинъ. Самоувѣренная реакція придала смѣлость всѣмъ самымъ сквернымъ инстинктамъ Фамусовыхъ и Молчалиныхъ; а соціальныя и умственныя пертурбаціи послѣднихъ десятилѣтій низвергли старый нравственный кодексъ, узкій, но твердый, и открыли двери аристократическихъ салоновъ для явныхъ и общепризнанныхъ мерзавцевъ въ родѣ Загорѣцкаго ¹⁾. Въ 1805 г. его постыдился бы принимать и безразборчивый Фамусовъ; да и самъ Фамусовъ въ то время не рѣшился бы требовать административной высылки для Чацкаго и не посмѣлъ бы даже и въ шутку развивать мнѣніе о пользѣ истребленія книгъ. А теперь, когда по словамъ Скалозуба:

Есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ! два!
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

и когда плану его чахоточнаго родственника:

Въ ученый комитетъ, который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотъ никто не зналъ и не учился,

симпатизируютъ иныя высокопоставленныя лица, пошляя шутки Фамусова многими принимаются въ серіозъ.

Чацкій хуже чѣмъ одинъ: у него есть поклонники въ родѣ Репетилова, и его единомышленниками мнятъ себя крикуны, засѣдающіе въ англійскомъ клубѣ. Нужно ли объяснять, что такіе поклонники и единомышленники хуже враговъ? ²⁾.

¹⁾ Вигель (III, V, 129 и слѣд.), описывая одного изъ тапихъ, какого-то С., замѣчаетъ, что въ послѣднее время эти «порожденія вѣка сомнѣнія и эгоизма» встрѣчаются довольно часто.

²⁾ Репетиловъ, впрочемъ, не московскій типъ: въ Петербургѣ онъ „лѣзъ въ чины“ и только послѣ неудачи возвратился въ Москву, гдѣ и сдѣлался поклонникомъ радикальныхъ лѣварствъ. Въ Петербургѣ же возникли и во

И погибъ бѣдный Чацкій въ непосильной борьбѣ, точно больной орелъ, заклеванный воронамъ. Но не погибли и не могли погибнуть его идеи, тѣмъ болѣе, что если въ кружкѣ гостей Фамусова Чацкій былъ одинокъ, въ Россіи въ то время былъ не одинъ десятокъ Чацкихъ и Безухихъ. Даже пессимистически смотрящій на современниковъ авторъ «Горе отъ ума» говоритъ, что у деревяннаго Скалозуба есть двоюродный братъ, который

Крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ;
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать!

И у кн. Тугоуховской есть племянникъ, кн. Оедоръ, ботаникъ и химикъ ¹⁾.

Эти идеи о свободной мысли и «свободной жизни» росли и распространялись годъ отъ году, несмотря на всѣ «милліоны терзаній», выпавшіе на долю ихъ проповѣдниковъ, несмотря на всѣ ошибки и увлеченія ихъ неподготовленныхъ партизановъ.

Да и мысли Чацкаго «о жалкой тошнотѣ по сторонѣ чужой», «о премудромъ незнаньи иноземцевъ», мечты его о томъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за вѣмцевъ, —

оказались вовсе не «дичью» ²⁾ и не «нетрезвостью рѣчи» ³⁾, а другой стороной той же «свободной жизни», обращающейся къ своему народному источнику, и легли въ основу цѣлаго міровоззрѣнія московскихъ славянофиловъ, міровоззрѣнія живого, поэтичнаго, высоко-честнаго и въ свое время плодотворнаго ⁴⁾.

Эти идеи, развиваясь, укрѣпляясь и совершенствуясь, проходятъ золотыми нитями черезъ все царствованіе императора Николая, освѣщаютъ дивнымъ внутреннимъ свѣтомъ всю нашу ху- же-

---

девили (первый водевиль, родоначальникъ безчисленнаго потомства, — „Казакъ—стихотворецъ“ кн. Шаховскаго, (см. Вигель, II, 4, 161). Извѣстно, что Грибоѣдовъ и самъ участвовалъ въ драматическихъ трудахъ на складчину, о которыхъ говорятъ Репетиловъ.

¹⁾ О немъ см. «Былое и Думы», I, стр. 138, 142, 145.

²⁾ Гончаровъ. VIII, 157.

³⁾ Бѣлинскій, III, 424.

⁴⁾ Такое же значеніе имѣютъ и запросы Петра Безухаго о томъ, что одобрилъ бы въ его жизни и дѣятельности представитель народнаго „благобразія“ Платонъ Каратаевъ, и что—пѣтъ (VI, 226).

ственную и критическую литературу того времени, даютъ зрѣлымъ людямъ силу переносить всѣ бѣды въ ожиданіи будущихъ благъ и воспитываютъ молодое поколѣніе, совершителей великихъ реформъ, вѣчно памятныхъ сотрудниковъ Царя-Освободителя.

Эти реформы закончили дворянскій періодъ русской литературы и цивилизаціи и начали новый—всесословный, всенародный. Если онъ и не создалъ до сихъ поръ такихъ безусловно художественныхъ произведеній, какъ предшествующій, зато онъ дѣлаетъ другое великое дѣло: онъ вводитъ въ сознаніе массы народной все лучшее, что создано и нашими отцами и человечествомъ. Не далеко то время, когда Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ будутъ извѣстны въ каждой деревенской школѣ лучше, нежели въ 50-хъ годахъ были извѣстны въ гимназіяхъ и университетахъ, и на этой цѣльной почвѣ сѣмена, ими посѣянная, дадутъ болѣе обильные плоды.

Тогда-то исполнится завѣтная мечта многострадальныхъ передовыхъ людей нашихъ, и навсегда исчезнетъ роковая рознь между русской интеллигенціей и народомъ, отъ которой происходили и происходятъ всѣ наши бѣды.

Не будемъ пока мечтать о томъ, что новаго и великаго внесемъ мы тогда въ міръ, а будемъ учить и учиться народъ, чему можемъ и сколько можемъ, и въ то же время, откинувъ полупросвѣщенное самомнѣніе, сами будемъ у него учиться здоровой правдѣ народной.